

▲Annotation

Здравствуйте, меня зовут Кара Грант, и это моя история. Я погибла, спасая сестру. Но сумела вновь возродиться в Эдеме – мире, где царствует магия воображения, а слова исполняют любые мечты. Так что теперь у меня есть всё: фантастическая работа, чумовые друзья и любимый мужчина. Его глаза кричат об опасности, а кривая ухмылка скрывает множество тайн... Я лишь хотела их разгадать, но угодила в водоворот лжи и интриг. И не заметила, как чудесная сказка стала ожившим кошмаром.

Анастасия Княжева, Кара Грант

Предисловие

Пролог

Часть первая

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Часть вторая

Глава 1

▲Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Эпилог

notes

1

2

▲Анастасия Княжева, Кара Грант

Эфириус. Что скрывает Эдем

▲Предисловие

Мое знакомство с Кариной началось с прочтения ее рукописи. Это случилось несколько лет назад. Помнится, тогда в мою дверь позвонил почтальон – заказная корреспонденция. Я подумала, что это ошибка, отправитель мне был незнаком. Но почтальон настаивал на обратном, да и мой адрес, как и прочие личные данные, был указан верно. Так что нежданную корреспонденцию все же пришлось принять.

Распаковывала я ее с интересом. Каких только вариантов содержимого пластикового пакета не подкидывал мой взбудораженный мозг! Но внутри оказалась самая обычная рукопись. А вот записка, которая к ней прилагалась, таковой отнюдь не являлась. Она была странной, загадочной и вызывала еще больше вопросов.

Я не стану вам пересказывать ее содержание, просто отмечу те фразы, которые намертво врезались в память: «Это мое предупреждение всем писателям, всем представителям творческих профессий и всем, кто только мечтает однажды себя с таковыми связать. Возьмите мой опыт на вооружение и не повторяйте моих ошибок Когда-нибудь это спасет вашу жизнь». Подписано: Кара Грант. Признаться, поначалу предупреждением я не прониклась. А вот то обстоятельство, что таинственный автор записки, он же отправитель письма, носил имя главной героини романа, меня заинтриговало. Так что, мысленно сделав скидку на неадекватность, я приступила к чтению. И мир на несколько дней меня потерял.

История была написана невероятно ярко, эмоционально и несла в себе столько точных деталей, что в какой-то момент я задумалась – а что, если Эдем действительно существует и то, что случилось там, правда? Догадка казалась почти невозможной, безумной, но где в глубине души я ощущала, что, вопреки всем доводам разума, она верна. И личная встреча с Кариной заставила меня окончательно в этом убедиться.

К сожалению, моя новая знакомая вместе с друзьями сейчас путешествует по другой ветке реальности – Акватропу и не может рассказать свою историю всем заинтересованным лицам. Поэтому она поручила сделать это мне. С разрешения Карины я упростила первые

▲главы ее мемуаров, не меняя их сути, обозначила наше соавторство и осуществила публикацию. А верить написанному или нет, пусть решает читатель.

Анастасия Княжева

▲Пролог

«И зачем надо было так разряжаться?» – эта мысль за последние полчаса уже не раз всплывала у меня в голове. Проще было думать о неудачно выбранном наряде, чем о главе судейской комиссии, который вот-вот должен был подняться на сцену, чтобы объявить результаты конкурса «Писатель-фантаст года».

Я сидела за столиком в окружении родных в небольшом уютном ресторанчике и с замиранием сердца ждала, чем же для меня закончится сегодняшний вечер. Старалась казаться невозмутимой, впрочем, как и остальные финалисты.

Хотя кончики пальцев то и дело нервно теребили плиссированные складки серебристого шелкового платья. Дорогого. Дизайнерского. Купленного специально по этому поводу. В комплекте с изящным бочонком-клатчем, украшенным кристаллами Сваровски и черными

замшевыми туфлями на умопомрачительных каблуках. Про макияж и прическу даже говорить не стоит. Одним словом, перестаралась. Будто к прогулке по красной ковровой дорожке готовилась. Хотя... для меня все было именно так.

Неопытность, юношеский восторг... Еще бы! Такое событие! Переоценила масштаб мероприятия – и сейчас под прицелом острых неодобрительных взглядов коллег чувствовала себя неловко. Если бы я заявила сюда обнаженная с транспарантом в руках с надписью «Вот она звезда! Встречайте!», результат был бы примерно тем же. Ведь кто я такая по сравнению с мастодонтами пера, собравшимися в этом зале? Зеленая девчонка, которая только вчера сошла с университетской скамьи. Сколько у меня в активе книг? Одна. А у моих конкурентов – десятки. Впрочем, как и безупречные репутации, заслуженные долгим кропотливым трудом, и толпы преданных фанатов. И все же... так хочется победить.

– Итак, сейчас мы узнаем, кто стал лучшим писателем-фантастом этого года, – бодро объявил в микрофон мужчина.

Послышался шелест бумаги.

– Кара, я в тебя верю, – тихонько прошептала мама и сжала мою руку.

▲– Я тоже, – поддакнула Мила, моя младшая сестра, которая сидела слева от меня.

Благодарно им улыбнулась в ответ и снова посмотрела на сцену.

– Ита-а-к, победителем стала... – Глава комиссии выдержал театральную паузу, а затем торжественно объявил: – Кара Грант с книгой «Реальная магия»! Встречаем!

Зал взорвался бурными аплодисментами, а я замерла.

Показалось или...

– Кара, иди, – легонько подтолкнула меня мама. – Тебя ждут.

Я непонимающе на нее уставилась, потом покрутила головой по сторонам и с удивлением обнаружила любопытные, внимательные, доброжелательные взгляды, прикованные к моей персоне. Медленно встала и, как во сне, направилась к сцене. Люди улыбались, хлопали в ладоши. А я не могла поверить, что все это происходит понастоящему. Не ожидала. Нет, правда, не ожидала. Хотя об этом столько мечтала.

Пока я шла по проходу, глава комиссии что-то сострил по поводу девичьей нерешительности, но из-за волнения его слова пролетели мимо моих ушей.

– Поздравляю, Кара, – произнес он, когда я наконец оказалась на сцене. Приобнял за плечи и вручил позолоченную статуэтку. – Одержатъ победу в столь юном возрасте – невиданное дело. Что вы сейчас чувствуете?

– Что? – растерянно переспросила я, касаясь пальцами награды. Зрители расхохотались.

– Я спросил, что вы сейчас чувствуете, – улыбаясь, повторил свой вопрос глава комиссии.

– Я не знаю... До сих пор не могу поверить, что это правда. Все участники конкурса безумно талантливы, а их работы сильны...

– Безусловно. Но победили именно вы. Что скажете по этому поводу? Может, зачитаете благодарственную речь?

– М-м-м... У меня ее нет. Только платье и туфли, – выдала я самый идиотский ответ, на который в принципе была способна, чем

спровоцировала очередную волну смеха. Ну же, Кара, соберись! – Извините, я волнуюсь. – Помотала головой и продолжала уже увереннее: – Но мне бы хотелось сказать спасибо родным, которые меня поддерживали, редактору и корректору за их титанический труд,

▲членам жюри, что смогли разглядеть и оценить тот посыл, который я вложила в «Реальную магию» и, конечно, читателям, что так чутко отреагировали на слова не знакомого им ранее автора.

Зрители снова зааплодировали.

– Что ж, еще раз вас поздравляю, Кара. Так держать! – Глава комиссии опять меня обнял, легонько поцеловал в щеку, прощаясь, и я, крепко сжимая награду в руке, уже гораздо бодрее вернулась к родным.

Они смеялись, что-то весело бормотали наперебой, но из всей этой какофонии звуков мне удалось разобрать только «Кара, дай поддержать». Как замороженная, я посмотрела на статуэтку и провела кончиками пальцев по холодному металлу, оглаживая ее контуры. Так вот, значит, каково на ощупь признание... Да и на вкус ничего.

Я усмехнулась этой мысли. Сердце забилось, затрепетало, на душе стало легко-легко. И я, счастливо улыбаясь, повернулась к сестре и тихо сказала:

– Держи.

Мы пробыли в ресторане недолго. Пятничный вечер. Такое событие... Уходить рано не хотелось. Но у каждой из нас утром были важные дела, которые нельзя было отменять. Я перебросилась парой фраз с коллегами, выпила бокал лимонада, который в тот момент показался мне вкуснее шампанского, кое с кем потанцевала, и на этом пришлось поставить точку. А дальше мы забрали из гардероба верхнюю одежду и вышли на улицу.

В лицо тут же ударил теплый осенний ветерок. Яркие огни фонарей, освещавших полупустынные улочки, звонкое щебетанье родных... И мое черное кашемировое пальто, колыхавшееся волнами в такт шагов. Счастливая, я неслась чуть впереди остальных, стараясь отыскать нашу машину.

– Кара, застегнись! – окликнула меня мама. – Простынешь!

– У меня в крови сейчас столько эндорфинов, что это в принципе невозможно! – повернувшись, весело отозвалась я, и, раскинув в стороны руки, покружилась на месте. – Эх, девочки мои, родные, любимые, как же мне сейчас хорошо!

– А ты точно пила лимонад? – хихикнула Мила, наблюдая за мной.

▲– Точно. И это был самый вкусный лимонад на свете, – мечтательно протянула я, прижимая к груди награду.

– И все-таки, юная эндорфинщица, застегнись, – усмехнулась мама. – Мне так будет спокойнее.

– Хорошо, мам, как скажешь.

Я осторожно переложила статуэтку в руку с сияющим клатчем и сделала, как она хотела. А затем опять устремилась вперед.

Внезапно увидела, что перед нашим БМВ самым нахальным образом припарковался какой-то черный джип. А если учитывать тот факт, что и за нашим авто стояла другая машина, то возникшая ситуация грозила обернуться возвращением домой на такси.

– У него что, глаз нет? – возмутилась сестренка, но мама ее

мгновенно одернула:

– Мила, следи за языком!

Между тем водитель выскочил из авто, как пробка из бутылки шампанского, и припустил в направлении перекрестка.

– Стойте! – выпалила я, пробежала немного, замахала рукой.

Но мужчина даже не обернулся и продолжал бодро двигаться к перекрестку. – Какая досада! – фыркнула я и полезла в пальто за телефоном. – Придется вызвать такси.

– Не надо! Я его догоню! – выпалила сестренка, и, не дожидаясь ответа, рванула вслед за коротышкой в черной кожаной куртке. – Пойдите! Вы нам закрыли проезд!

– Мила! Вернись! – крикнула мама, а я закатила глаза. Ну и сорвиголова...

– Я почти что его догнала! – бросила она на ходу и выбежала на дорогу. Снова позвала мужчину: – Пойдите!

Откуда-то справа послышался шум колес, и я обернулась.

С ужасом заметила черную машину, рычащую, словно голодный хищник, которая неслась аккуратно на Милу.

– Мила! Берегись! – заорала я и рванула вслед за безголовой сестренкой.

Схватила ее за плечи и яростно оттолкнула в сторону.

Яркий белесый свет ударил в глаза, и я мотнула головой вправо, оцепенела. А в следующий миг сознание разорвало вспышкой оглушительной боли. И я как сломанная кукла рухнула на грязный асфальт. Последнее, что запомнила, прежде чем отключиться, –

▲ пронзительный женский крик, желто-оранжевые вспышки фар и позолоченную статуэтку, выпавшую из моих ослабевших пальцев.

▲ Часть первая

Романтическая

▲ Глава 1

О дивный новый мир

– Карина, быстрее! Просыпайтесь! – долетел до меня, как сквозь толщу воды, взволнованный мужской голос. – У нас мало времени!

Я заерзала, с трудом разомкнула пудовые веки и с удивлением обнаружила, что лежу не посреди полупустынной улицы, а на сочном зеленом лугу, залитом золотистым солнечным светом.

Пальцы касались изумрудно-лаймовой, лимонной травы, сквозь которую проглядывали ало-оранжевые лепестки маков, и я понятия не имела, как здесь оказалась.

– Что произошло? Где я? – просипела нахмурившись.

Мысли путались, но в теле ощущалась странная легкость.

– Карина, сейчас не до расспросов, – ответил мне загорелый светловолосый мужчина лет сорока пяти в белоснежном костюмнойке. – Нам нужно как можно скорее...

– Не понимаю, – пробормотала рассеянно. – Мы с мамой и Милой пошли в ресторан. Кажется, там было какое-то важное мероприятие.

А потом собирались поехать домой. Но эта машина...

Внезапно чудовищные воспоминания ожили, градом рухнули на меня, и я испуганно вскрикнула:

– Мила! Умоляю, скажите, что с ней все хорошо!

– Карина, не беспокойтесь. Ваша сестра осталась жива...

– Спасибо, – выдохнула с облегчением. – А я уж было

подумала, что...

– ...А вы – нет, – закончил свою мысль собеседник. – Мне жаль.

Я недоверчиво глянула на него, усмехнулась.

– Это что, шутка такая? Я же говорю, сижу рядом с вами и чувствую себя замечательно.

– Просто поверьте мне на слово, ладно? – Незнакомец покачал головой. – Но вас еще можно спасти. Только нужно действовать расторопно. Вы же хотите остаться в живых, моя дорогая? Последнюю фразу он произнес как-то особенно вкрадчиво, и я растерянно кивнула.

– Хочу...

♣Мужчина улыбнулся.

– Отлично! Тогда представьте, что вы можете выглядеть, как угодно. Какой вы хотели бы стать?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Самой собой?

– Тогда скажите это, Карина, – загадочным полупшепотом произнес незнакомец. – Опишите лучшую версию себя самой. А ловец душ вам поможет.

С этими словами он подошел к кипарисам, ветви которых переплелись, словно арка, пошелестел листьями, на что-то нажал – и тонкие блестящие нити, что хрустальной паутиной закрывали проход, начали трансформироваться, расширяться, превращаясь в сияющую гладь.

– Зеркало... – выдохнула я с изумлением.

– Именно! – просиял собеседник. – А точнее – ловец душ. Он облегчит вашу задачу.

Несколько мгновений серебристая гладь была мутной, непроницаемой, а потом неожиданно ожила, засияла. И я увидела в ней себя.

Все то же черное кашемировое пальто, то же роскошное блестящее платье. Аккуратный вечерний макияж и кудряшки, над которыми столько бились в салоне. Правда, немного всклокоченные... И дивный летний пейзаж, который был так далек от реального. Может быть, у меня все-таки сотрясение мозга? Галлюцинации?

– Приступайте, моя дорогая!

– Хорошо, – тихо ответила я, как замороженная глядя в манящие зеркальные глубины. – Я вижу девушку среднего роста двадцати двух лет...

– Нет, Кара! – вскрикнула мужчина. – Не так! Вы же не досье составляете. Вложите в слова красоту, поэтичность. Эмоции, в конце концов!

Я закусила губу, но спорить не стала и, как под гипнозом, повторила попытку:

– Я вижу цветущую юную деву. Синеокою, загорелую, с теплой душевной улыбкой, способной растопить даже самое холодное сердце.

♣И с озорными кудряшками, тонированными в пепельный оттенок с середины длины...

Внезапно зеркальная гладь пошла рябью, и я осеклась, увидев в отражении себя такой, какой вернулась два месяца назад из Италии. Непроизвольно коснулась пальцами лица, огладила его контуры.

Сказка...

– Замечательно! Продолжайте!

– Изящная, как статуэтка, и гибкая, словно пантера, дева невероятно напоминала спортсменку. На это указывал и рельефный узор мышц на икрах, плечах, и тугой подтянутый живот, и упругие ягодички, – хихикнув, добавила я в порыве странного вдохновения. А моя фигура снова преобразилась. – Сила и грация – два в одном! – Карина, великолепно! – поощрил меня собеседник. – Только вставьте что-нибудь про одежду. А то, как сейчас... Зеркальная гладь подернулась рябью, и мое платье начало растворяться.

– Вот черт! – Я быстро прикрылась руками. – Хотите сказать, что я голая?

– Не совсем. Вы воспринимаете себя такой, какой были при жизни. Мне же вы видите белесым сгустком энергии с женоподобными очертаниями, – охотно пояснил собеседник. – Без анатомических подробностей, если вас это утешит, – не удержался он от кривой ухмылки, а я медленно опустила руки.

Мое отражение снова приделось.

– Ну ладно, – кивнула расслабившись я и опять зашептала: – Небрежным движением руки дева оправила складочки короткого белоснежного платья-тоги, в котором она походила на афинянку, открывавшую Олимпийские игры, – чуть не добавила «с пылающим факелом в руках», но вовремя прикусила язык, наблюдая за трансформацией. – Проверила замочки серебристых сандалий на высокой волнистой подошве, потрянула кудряшками – и засияла, как солнечный луч!

– Карина, надо заканчивать. Вы хотите добавить в вашу фантазию что-то еще?

Я закусила губу, обдумывая предложение, оценивая новую себя. Фантазии фантазиями, но кто знает, как в них обстоят дела со стоматологами.

▲– Девушка сверкнула белозубой улыбкой без единого намека на кариес, – шутливо вставила я, – и приготовилась познавать новый мир. Вот теперь все!

– Замечательно! Тогда закрепляем!

С этими словами мой собеседник достал из кармана пиджака розовый граненый пузырек, отвинтил крышечку и подошел поближе ко мне. Крохотная капелька коснулась макушки – и я ощутила, что мое тело потяжелело, а дурман, который окутывал разум, начал немного рассеиваться.

– Ну что, моя дорогая, – радостно произнес незнакомец. – С возвращением в мир живых!

– Спасибо, – улыбнулась я, вставая на ноги. – А теперь вы расскажете, где все-таки я оказалась?

– В Эдеме, Карина, в Эдеме! В лучшем из всех миров! – усмехнулся мой собеседник, и я уже внимательнее на него посмотрела.

Взгляд серых глаз был острым, пронзительным, ледяным, но пухлые губы доброжелательно улыбались. Светлые волосы были собраны в хвост на затылке, а на указательном пальце незнакомца поблескивал платиновый перстень с розовым камнем.

При взгляде на него на ум пришло слово «джентльмен», но вслух сказала другое.

– А вы, стало быть, Бог?

Он рассмеялся.

– Ну что вы, Карина. Меня зовут Фредерик Штольцберг, и я ваш проводник в новый мир.

– Э-э-э... Спасибо, конечно, за то, что встретили... и спасли. Я не хочу показаться грубой, но... Как мне вернуться обратно к родным?

– К сожалению, это невозможно, Карина, – покачал головой собеседник. – В вашем мире вас, безусловно, ждало блестящее будущее. Головокружительная слава, ошеломительная карьера. Но вы погибли, не успев себя полностью реализовать. Поэтому вашу душу и затащило в Эдем. Но вам повезло, моя дорогая. К писателям у нас относятся, как к небожителям.

– Почему? – рассеянно пробормотала я, с интересом озираясь по сторонам.

Вокруг нас росли диковинные кипарисы, увешанные фиолетово-малиновыми гроздьями благоухающих цветов, которые напоминали

▲гибрид кокетливых ирисов и нежных бутонов роз. В моем мире таких не встретишь. А жаль.

Перевела взгляд на покатые изумрудно-миндальные склоны, что свернулись вдаль, словно спящие великаны. Их пики, будто выдыхаемый дым, окутывали белоснежные облака.

– Потому что вы обладаете даром слова и богатым воображением, моя дорогая, а значит, способны оживить любую фантазию всего парой фраз, – охотно пояснил проводник. – Ваше новое тело – наглядное тому подтверждение.

Пальцы невольно скользнули по складочкам придуманного наряда, и я задумчиво произнесла:

– Хотите сказать, что все, что я пожелаю, исполнится?

– В целом да, – усмехнулся господин Штольцберг. – Но чтобы фантазии не развеялись, мы используем особое вещество-закрепитель – эфириус. – Он потряс в воздухе розовой скляночкой. –

И если вы согласитесь со мной сотрудничать, то вскорости получите к нему доступ.

– Не совсем понимаю, что вы мне предлагаете.

– Работу мечты, Карина, работу мечты, – воодушевленно сообщил проводник. – С пожизненным контрактом. Вы будете делать то же самое, что и в прежней жизни, – оживлять свои фантазии на благо другим. Но на качественно более высоком уровне. Ну так что, по рукам?

– Думаю, вы не оставили мне выбора, – весело ответила я, а господин Штольцберг хмыкнул:

– В точку! – и опять подошел к зеркалу.

Отодвинул в сторонку листья, открывая обзор на стакан с водой и какую-то белую коробочку, которые, словно в гнезде, стояли на переплетенных ветвях.

– Выпейте это лекарство, – произнес проводник, протягивая мне подношение. – Первое время связь нового тела с душой еще слишком слаба. Поэтому нужно дважды в день в одно и то же время на протяжении полугода принимать эти таблетки.

Не задумываясь, открыла коробочку и проглотила пилюлю, залпом осушила стакан.

– Что дальше? – спросила с энтузиазмом.

– Как насчет того, чтобы оценить ваше новое место работы?

▲Я одобрительно кивнула, и проводник, посмеиваясь, коснулся рукой какого-то рычага, что был спрятан за листьями. Зеркальная гладь исчезла. Пространство под аркой заполнил густой белесый туман, и я увидела очертания величественного белоснежного здания в греческом стиле, чье основание утопало в гигантском облаке.

– Это портал, моя дорогая. Идем?

▲Глава 2

Пантеон

– Господи, где это мы? – восторженно ахнула я, едва мы с проводником выбрались из портала.

– В Пантеоне, моя дорогая, в храме творцов, – с усмешкой и затаенной гордостью произнес господин Штольцберг. – В народе его именуют еще Небесами.

– Невероятно... – пробормотала одними губами, с любопытством разглядывая диковинный интерьер, который никак не вязался с образами античных храмов из книг по истории. А вот с высокотехнологичными космическими станциями – вполне. Глянцевые белоснежные стены, взмывавшие ввысь, прозрачные кабинки лифтов, скользившие по ним вертикально и горизонтально, как по артериям, и такие же блестящие белоснежные сферы, что парили, словно планеты, на каждом этаже.

Мимо нас с господином Штольцбергом проносились люди в ярких нарядах. Они что-то возбужденно шептали себе под нос, пролистывая газеты с голограммами-фото, и над их головами появлялись то иллюзорные фламинго, то роскошные платья из кувшинок и золотых хризантем, то какие-то странные гаджеты.

– Доброе утро, Фредерик! – бросил на ходу симпатичный блондин в дорогом сером костюме, с усами и аккуратной бородкой. Верхние пуговицы белоснежной рубашки были небрежно расстегнуты, галстук криво завязан, а на мускулистых руках незнакомца вместо ручек портфелей висели смеющиеся девицы в фривольных нарядах. – Очередной новичок? Хороша! – Он улыбнулся, сверкнув острыми клыками, и мне подмигнул. – Я бы с ней...

– Берд! – возмутилась одна из его спутниц.

– Малышка, не сердись, – примирительным тоном ответил он. – Ты же знаешь, меня на всех хватает.

– Поберегись! – крикнула какая-то синевласая девчонка-подросток в роскошном восточном наряде, тараном несясь на нашу компанию на... ковре-самолете? Тотчас отскочила в сторону, споро

▲пригнулась, рефлекторно закрывая руками голову. – Доброе утро, Фредерик! Берд, хватит кутить!

Следом за синевлаской мимо нас пронеслась стайка юристов на таких же странных устройствах. Они что-то кричали гонщице в спину, размахивая дорогими портфелями и стопками документов, но она их не слышала.

– Неужели мне это не снится? – восторженно пробормотала я, выпрямив спину, и, рассмеявшись, пробежала немного вперед и указала рукой на те самые сферы-планеты. – Что это такое?

– О, это рабочие кабинеты писателей, – охотно пояснил проводник, следуя за мной по пятам. – Храм творцов, как вы могли

заметить, выполнен по типу органных труб. Это сделано как раз для того, чтобы освободить побольше пространства для них.

Воображению нужен простор, вы согласны, Карина?

– Конечно! – весело ответила я, жадно разглядывая парившие над пропастью сферы и пытаюсь отыскать хотя бы намек на крылья и реактивные двигатели. Однако ничего подобного там не было. – Но... Но как такое возможно? Это что, какая-то магия?

– О нет! – рассмеялся господин Штольцберг. – Но, как говорил ваш Артур Кларк, любая высокоразвитая технология практически от нее неотличима. Пойдемте, Карина, я проведу вам небольшой ликбез.

С этими словами господин Штольцберг ловко взял меня под локоток и подвел к статуе Атланта, который вместо небесного свода держал на плечах огромный серебристый шар. Проводник на что-то нажал – и пространство вокруг нас заполнили голограммы, а звучный мужской голос начал рассказ:

– Вторая мировая война – кровавое пятно на страницах истории Эдема. Она забрала бесчисленное количество жизней, лишила нас крова и средств к существованию, поставила на колени...

Кадры военных сражений, бомбежек чередовались с образами сломленных отощавших людей в грязных лохмотьях на фоне разрушенных до основания зданий.

– ...И вот, когда стало казаться, что дорога к прежней счастливой жизни безвозвратно утрачена, появился он – Кристофер Нолланд.

▲Писатель. Первый творец Фантазийных Федеральных земель и всего Эдема, сумевший создать невозможное.

Картинка сменилась, и в кадре появился смеющийся сребровласый мужчина. Его улыбка была удивительно светлой, а в голубых глазах с лукавым прищуром плескались надежда и оптимизм.

– ...Он так сильно верил в наше счастливое будущее и столько эмоций вкладывал в свои слова, что его фантазии начали оживать.

Вокруг нас с проводником закружились какие-то странные, словно сошедшие со страниц книг фэнтези звери, а потом появились миниатюрные телевизоры, экскаваторы... Один из них подъехал ко мне, и я, коротко взвизгнув, споро отскочила в сторону, рассмеялась, потянулась рукой к разноцветным животным.

– ...Однако без вербального подкрепления материализованные фантазии не могли долго существовать в реальном мире.

Иллюзорная техника начала лопаться, как мыльные пузыри.

– И тогда стараниями лучших ученых было открыто особое вещество-закрепитель – эфириус. Благодаря ему и писателям ФФЗ превратились поистине в райский сад, который с радостью распахнул свои золотые ворота для всех пришельцев.

– Здорово! – восхитилась я, глядя на сияющего зеленого зверя, который завертелся вокруг меня.

– Рад, что вам нравится, моя дорогая, – весело произнес господин Штольцберг и отключил транслятор. – А теперь давайте я вам покажу ваш рабочий кабинет.

Он вытащил из кармана какое-то странное устройство, нажал на кнопку, и нас тут же перебросило на стыковочную площадку, к которой подлетали белоснежные сферы. Где-то на краешке сознания мелькнула мысль, почему все в Пантеоне было белым, словно его создатель пытался излечиться от тяжелой болезни или избавиться

от пятен на совести, репутации, но я отбросила ее в сторону за ненужностью и тут же забыла.

▲– Запоминайте, Карина, номер вашего рабочего кабинета пятьсот одиннадцать, он находится на пятом этаже в двенадцатом секторе, – произнес господин Штольцберг, набирая комбинацию цифр на сенсорной панели, что была встроена в невысокую стойку. – А если понадобится вызвать кого-то из коллег, просто нажмите на зеленую кнопку, введите номер их капсулы и ждите ответа.

– Я запомню, – радостно улыбнулась я и с замиранием сердца уставилась на подлетевшую к нам сферу.

Наверняка там пряталось что-то волшебное!

Но ничего, кроме белоснежного сенсорного стола и придвинутого к нему стула посреди пустой белой комнаты не обнаружила.

– Что, огорчились, Карина? – участливо спросил проводник, словно прочитав мои мысли.

– Честно говоря, да.

– А вот и напрасно! – весело бросил он. – Это всего лишь заводские настройки. А создать здесь вы сможете все что угодно, от райских кущ до океанических глубин! Ведь у воображения нет границ. Есть тут у нас один писатель – любитель экспериментов, – задумчиво произнес господин Штольцберг. – Первое время чего только он не творил со своим кабинетом, – усмехнулся мой проводник. А затем добавил серьезнее, жестче: – Но потом остепенился, собрался с мыслями и посвятил всего себя работе. Теперь на него равняются остальные.

– Чудесно, – мечтательно мурлыкнула я и вернула разговор в прежнее русло. – А как изменять настройки?

– Все просто! В каждой капсуле установлена компьютерная программа, которая не только помогает ей управлять, но и сохраняет все внесенные в интерьер изменения.

– Без эфириуса? – удивилась я.

– Да, без эфириуса, – усмехнулся мой проводник. – А вы быстро вникаете, моя дорогая, – уважительно присвистнул он.

Я расцвела.

– Спасибо.

– Так вот, из-за того, что в Пантеоне писатели работают непосредственно с этим бесценным веществом, здешний воздух настолько пропитался его волшебными парами, что законы реального мира исказились. Это особенно ощутимо внутри сфер. Так что все, что

▲вам нужно, Карина, – это очень ярко представить то, что вы хотите создать, эмоционально описать и зафиксировать образ в настройках.

– Мне уже не терпится приступить! – рассмеялась я и тихонько спросила: – Можно?

– Конечно!

Я сделала шаг вперед, смежила веки, запуская воображение, и мечтательно прошептала:

– Мои ноги утопают в мягкой густой траве: изумрудно-лаймовой, сочной, с редкими вкраплениями алых маков и сапфировых васильков. Они колыхаются на ветру, будто подмигивая, и указывают своими головками в сторону раскинувшихся чуть левее бескрайних лавандовых полей...

Медленно приоткрыла глаза и с восторгом увидела, как холодный

бездушный металл сферы превращается в живой природный ковер.

– Замечательно, Карина! – ободряюще кивнул господин

Штольцберг. – Продолжайте!

Я улыбнулась, внезапно поняв, что стимуляция мне и не требовалась. Материализация была как наркотик. И я на нее подседа.

– Вдали виднелась мандариновая роща. Невысокие тонкостволовые деревья выстроились в ровные ряды, словно армия оловянных солдатиков. С их ветвей свисали спелые ярко-оранжевые плоды с толстой кожурой, которые будто нашептывали: «Сорви меня, съешь...»

Пространство передо мной трансформировалось, и я бодрой уверенной походкой направилась к творению слов своих, чтобы оценить результат. Протянула руку, касаясь фрукта, и с наслаждением вдохнула приятный кисло-сладкий аромат. Вкусно.

– Мандариновая роща... – усмехнулся господин Штольцберг, с любопытством озираясь по сторонам. – Оригинально.

– Всегда о такой мечтала! – выпалила довольная я и посмотрела вверх. Там по-прежнему красовался все тот же скучный белоснежный потолок, который меня совсем не вдохновлял.

Непорядок...

– Бескрайнее голубое небо раскинулось у нас над головами. Такое чистое, ясное, с тонкими белесыми перышками облаков. Глядя на него, все тревоги забывались, а крылья души сами собой расправлялись и заставляли тело парить... – мечтательно протянула я – и в

▲следующий миг ощутила, как ноги оторвались от земли. – А-а-ай!

Метафорически!

Метафорически!

–

заверещала

испуганно,

схватившись руками за ветку.

Господин Штольцберг попытался меня опустить, но и его незримая сила тут же подбросила вверх. Ой. Нехорошо-то как вышло.

– Карина, исправляйтесь быстрее! Пока нас не утащило под потолок.

– Да-да, сейчас... Глядя на небо, тревоги все уносились прочь.

В отличие от тел, которые удерживали на земле законы гравитации!

Очень крепко и надежно удерживали! – выпалила торопливо, и парящий эффект тут же исчез, а нас с господином Штольцбергом, словно магнитом, притянуло к зеленому ковру. Да так, что оторваться от него мы уже не смогли. – Просто удерживали! В обычном режиме! Как и работников Пантеона за пределами сферы! – внесла резонное уточнение я и наконец с облегчением вздохнула: – Уф-ф... отпустило...

Мы с проводником слаженно переглянулись, а затем звонко расхохотались.

– Карина, умоляю, в следующий раз будьте осторожны! – первым заговорил он, отсмеявшись. – В этих стенах желания имеют свойство сбываться. Причем в полном соответствии с формулировкой. Но я поражен тем, как быстро вы осваиваете материализацию. Хотите что-то еще добавить? Я задумчиво провела пальцами по мягкой фантазийной траве, подняла глаза вверх.

– Пожалуй, да... В воздухе витал ненавязчивый цитрусовый

аромат, который бодрил и настраивал на рабочий лад... – Освежающий мандариновый запах мгновенно растекся по кабинету. Красота! – Вот теперь все! – с чувством хорошо выполненного дела заключила я.

– Отлично. Тогда закрепляем. Сохранить последние изменения в настройках! – громко и четко произнес проводник, обращаясь куда-то в пустоту, а через миг ему ответил компьютерный женский голос:

– Последние изменения сохранены.

– Господин Штольцберг, – тихонько спросила я, восторженно разглядывая то, что у меня получилось, – а почему на Земле слова не имеют такой же силы, как в Эдеме?

▲– Имеют, Карина, имеют, – задумчиво произнес проводник. – Просто ваши писатели пока не догадываются о том, что находятся в шаге от материализации. Вера, идущая из самых глубин души, – вот ключ к акту творения. Но со временем они его обязательно обнаружат, и это кардинально изменит ваш мир.

Я с любопытством посмотрела на собеседника, пытаюсь осмыслить его слова. Он усмехнулся и бодрее добавил:

– Что ж, Карина! Раз уж вы здесь освоились, самое время познакомить вас с коллегами. – С этими словами господин Штольцберг встал и протянул мне руку, помогая подняться. – В прошлой жизни вы писали ромфант, поэтому вас решено перевести в отдел «Домашний дизайн и уют», – говорил он на пути к выходу.

– И всего-то... А разве нельзя создавать что-то более масштабное? – поинтересовалась я, семена следом.

– Можно. Но для этого надо было писать научную фантастику, – невозмутимо сострил проводник.

Я опешила на секунду, а потом рассмеялась.

– Жаль! Но неужели ничего нельзя с этим сделать?

Господин Штольцберг остановился и внимательно на меня посмотрел.

– Докажите, что вы способны на что-то большее, Кара, тогда вас переведут в другой отдел. И, возможно, со временем вы сумеете подняться в топ. А это не только престиж, но и свобода творчества.

От картин, что нарисовало мое воображение, приятное тепло растеклось в груди, и я, осознав, что у меня появилась цель, тихонько сказала:

– Сделаю все для этого.

Когда двери сферы за нами закрылись и мы снова оказались в коридоре, господин Штольцберг уверенным размашистым шагом направился куда-то вперед. Остановился спустя пять минут возле какой-то сенсорной панели, висевшей на стене. Надо же, дверь. А я и не заметила. Проводник приложил к экрану ладонь, запуская процесс идентификации. Я последовала его примеру.

– Доступ разрешен, – произнес компьютерный голос, и дверь растворилась в воздухе.

– Здорово, – прошептала я, входя внутрь кабинета.

▲Там за белоснежным сенсорным столом собралась группа ребят. Они о чем-то возбужденно переговаривались, но умолкли, едва завидели нас на пороге.

– Добрый день, – доброжелательно обратился к ним господин Штольцберг. – Госпожа Бонне на месте?

– Она отошла ненадолго. По делам, – раньше других откликнулась

миловидная рыжеволосая девушка в темно-зеленом платье. – Может, ей позвонить?

– Не стоит, Мария, – отмахнулся мой проводник. – Господа, знакомьтесь. Это Кара Грант. Новая сотрудница Пантеона. Прошу любить и жаловать.

– Рада со всеми вами познакомиться, – просияла я и помахала коллегам рукой на манер анимешек.

– Милашка! – отозвался какой-то симпатичный взъерошенный брюнет, который крутил карандаш в пальцах, откинувшись на спинку стула.

– Даниэль, как не стыдно! – шутливо одернула его Мария. – Что скажет на это твоя подружка! Меня зовут Мария Арлен, кстати. Если что-то понадобится, Кара, смело обращайся. А этот любитель делать комплименты – Даниэль Гросских.

Парень озорно мне подмигнул, не проникшись упреком. Мари закатила глаза и бойко переключилась на следующего присутствующего.

– Вон та блондинка в углу – Лиза Маринова. – Девушка в алом брючном костюме лениво вскинула руку в знак приветствия. – Запомни, до третьей чашки кофе ее лучше не беспокоить. Иначе рискуешь нарваться на поток едких комментариев в свой адрес. Потом не будешь знать, как ноги унести.

Лиза одарила Мари убийственной улыбочкой, и та в ответ послала воздушный поцелуй.

– А меня зовут Майя Войт, – защебетала коротко стриженная брюнетка в абрикосовом платье, которая своей прической и изящной фигуркой напоминала воробышка. – Если будет скучно, звони. Можем как-нибудь вечером выбраться в картинную галерею..

– Лучше уж в клуб, – прервал ее светловолосый парень в черной футболке. – Тогда и мы с Тимом составим вам компанию, девчонки. Меня зовут Макс Класкен, а это мой брат Тим, – толкнул он соседа-

♣брюнета в бок. – В прошлой жизни мы были близнецами, но теперь уже нет. Эде-э-эм... – мечтательно протянул он. – А тот тяжеловес в углу – наш дядя.

Макс указал кивком на бритоголового, с бородкой, мужчину лет сорока, который в отличие от коллег пришел на работу в солидном темно-зеленом костюме.

– Доброе утро, госпожа Грант, меня зовут Йелло Фейн, и с этими оболтусами мы, слава богу, не родственники, – чопорно поздоровался со мной этот, гм... не дядя.

Я перевела недоуменный взгляд с него на Макса. Тот невозмутимо пожал плечами.

– Шутка! – Я улыбнулась. – А господин Фейн только с виду такой неприступный, – продолжал парень, – но в душе добряк. Если захочешь с ним подружиться, Кара, – просто подари шампунь для роста волос. Наш дорогой Йелло втайне мечтает избавиться от лысины.

– А вы, господин Класкен, – обзавестись мозгами. Госпожа Грант, если вы материализуете эликсир, который этому поспособствует, буду премного обязан.

– Договорились, – ответила я и тактично умолкла, подавив

улыбку. Кажется, с коллегами мне повезло. Сработаемся.

– Что ж, раз с представлениями покончено, мы, пожалуй, пойдем, – напомнил о себе господин Штольцберг. – Всего доброго, господа. Карина, прошу. – Он указал рукой в сторону выхода.

Когда мы снова оказались в коридоре, а за нашими спинами нарисовалась дверь, мой проводник задумчиво произнес:

– Есть в Пантеоне одно место, Карина, которое я вам хочу показать... Уверен, оно произведет на вас сильное впечатление.

– Я заинтригована, господин Штольцберг.

Мой проводник улыбнулся и снова активировал свой портал.

Секунда – и мы оказались в прозрачной кабинке лифта.

– Сейчас мы находимся в районе центрального входа, – произнес господин Штольцберг, когда лифт переместился на вертикальную линию и начал плавно спускаться. – Это не только сердце Пантеона, но и обиталище топа. То, что я вам хочу показать, лучше всего можно рассмотреть из окон парящих здесь сфер. Однако наши лучшие писатели не любят, когда их беспокоят. Поэтому вынужден проводить

▲экскурсию из такого вот своеобразного фуникулера. Присмотритесь, Карина, и скажите мне, что вы видите.

Я подошла поближе к стеклу, прищурилась, стараясь понять, на чем следует заострить внимание. Все то же пустое пространство, заполненное парящими капсулами, вот только... На стенах красовались цветные росписи.

– Галерея... – чуть слышно шепнула я, с каким-то трепетным волнением разглядывая изображение роскошного футуристического города, расположенного на морском побережье, с яркими куполами, зубчатыми парапетами крыш и хрустальным мостом.

– Это Либрум. Столица Фантазийных Федеральных земель, – с гордостью сообщил господин Штольцберг. – Пантеон находится как раз на его территории.

– Очень красиво, – пробормотала искренне, продолжая как замороженная изучать росписи на стенах.

Лифт спустился еще на этаж, и я увидела, что в основании этого дивного города, словно корни вековых дубов, расположились лица людей в нарисованных медальонах-рамах. Причем по мере приближения к низу размеры портретов уменьшались, а их количество увеличивалось.

– Кто это? – тихонько спросила я, уже догадываясь, что услышу.

– Писатели, Карина, писатели. Граждане Эдема знают, кому обязаны своим высоким уровнем жизни. Мы помним и чтим всех, кто положил свои фантазии и силы на алтарь нашего общества процветания. И эта картина – дань их заслугам.

– Потрясающе, – с каким-то трепетным волнением выдохнула я, разглядывая лица незнакомок и незнакомцев. Кто-то из них морщил лоб, тер глаза, моргал или робко улыбался. Но больше всего меня поразили их взгляды. Сосредоточенные, глубокие, острые, они, казалось, пронзали душу насквозь. Взгляды людей, познавших суть других. – Эти росписи сделаны с помощью эфириуса?

– Совершенно верно, Карина. Более того, каждый портрет создан на основе фантазийной деятельности самих авторов и содержит их частичку. Со временем на этих стенах появятся десятки, сотни и тысячи новых лиц, – с какой-то фанатичной уверенностью и нетерпением произнес господин Штольцберг. – А память о заслугах

писателей будет жить в веках.

▲– Гениальная идея! Вечный памятник всем творцам, – улыбнулась я, наблюдая за мужчиной в темно-синем костюме, который стоял на четвертом этаже напротив одного из портретов, заложив руки за спину.

Внезапно он обернулся – и наши взгляды встретились. Мужчина нахмурился, глядя на меня, потом легонько кивнул моему проводнику и, получив ответное приветствие, неспешно побрел к какой-то красивой черноволосой девушке в черном наряде, которая дожидалась его около перехода-арки.

– Надеюсь, однажды и мой портрет появится здесь, – повернулась я к собеседнику. – Благодарю, что показали мне это место.

– Я знал, что вы сумеете по достоинству его оценить, – произнес господин Штольцберг. – Что ж, на этом экскурсия по храму творцов закончена. Предлагаю отправиться в Либрум. Заскочим в банк за авансом и подъемными, которые полагаются всем новым работникам Пантеона, подпишем документы о трудоустройстве, а потом я покажу ваше новое жилье, которое находится в элитном районе столицы всего в четверти часа ходьбы от побережья. Кстати, Карина, пока не забыл. Рабочая неделя писателя – тридцать часов, но график работы вы можете составлять самостоятельно. Однако завтра все же загляните к десяти в Пантеон на планерку, познакомьтесь с куратором. Я позабочусь о том, чтобы заказать для вас таксолет. А дальше обживайтесь самостоятельно.

– Спасибо, – просияла я. – Знаете, господин Штольцберг, кажется, у меня и впрямь появилась работа мечты!

▲Глава 3

Пределы воображения

– Воспроизвести последние сохраненные настройки! – громко и четко выпалила я, оказавшись на следующий день в своей капсуле.

Специально

встала

пораньше,

чтобы

поколдовать

над материализацией. Ну, и чтобы поваляться на роскошном фантазийном лугу. Куда уж без этого.

Расслабленная, я плыла на мягких волнах изумрудного моря, смотрела на потолок с эффектом антистресс и думала о том, почему вчера не ударилась в панику, узнав о собственной кончине. Наверное, когда умираешь, обиды, страхи, тревоги растворяются, оставляя место душе. Восторженной и светлой.

А те эмоции, что я испытывала до обретения нового тела, были словно тени на стене пещеры. Они стали ярче и получили реальную силу уже после воздействия эфириуса. Но даже сейчас я ощущала себя иначе – слишком радостной, слишком воздушной и переполненной до краев энтузиазмом. Да, жизнь в Эдеме кружила голову не хуже шампанского и вызвала острое желание творить.

Я улыбнулась этой мысли и уже приоткрыла рот, собираясь испытать себя на почве материализации живых существ, а точнее, парочки очаровашек-колибри, как внезапно услышала: «Карина, девочка моя...»

– Мама... – прошептала растерянно.

Воспоминания о доме пронеслись перед глазами яркими вспышками-образами, и я вскочила на ноги и заозиралась по сторонам в поисках родного любимого лица.

– Мама, где ты?! – прокричала с надеждой.

Но ничего, кроме мандариновой рощи и безлюдных лавандовых полей не обнаружила. И надежда угасла, сменившись болью и горечью. Так странно... Я ведь с момента попадания в Эдем ни разу не вспомнила о семье...

А сейчас мне так сильно захотелось обнять, расцеловать маму, Милу, отца, что я бы все отдала ради этого. Но что толку мечтать о невозможном? Мысли о доме вызывали тоску, выбивали почву из-

▲под ног, и я потеряла ладонями лицо, пытаюсь собраться. Потом. Я подумаю об этом потом. Только не в Пантеоне, особенно перед планеркой.

Точно, планерка!

Я глянула на часы – без четверти десять. Пора убегать. Доминанта в моей голове сместилась, и я, приободрившись, вылетела из сферы.

– Всем привет, – немного натянуто улыбнулась коллегам, устраиваясь на стуле в комнате для собраний.

– А, милашка, как жизнь? – первым откликнулся Даниэль.

В ожидании начала планерки он лениво бросал фантазийный мяч в фантазийное баскетбольное кольцо, материализованное им прямо в воздухе.

– Нормально. Осваиваюсь потихоньку, – пробормотала я, пристраиваясь около него на свободное место. Через два кресла от меня сидела Майя, а напротив – Мария. – Что мы будем делать? – Ничего особенного, – подключилась к беседе Мария, которая до этого что-то просматривала в планшете. – Сейчас подтянутся остальные, и Кристина, куратор нашего отдела, расскажет о новом соцзаказе. Мы посидим, покиваем и попробуем выжать из себя хоть парочку идей. Ты новенькая, тебя трогать не будут, можешь расслабиться. Просто слушай, вникай. Включись в работу, когда освоишь материализацию.

– Понятно. А вы тоже попали сюда из других миров или родились в Эдеме?

Майя с громким щелчком захлопнула зеркальце и заговорила, пряча его в сумочку:

– В нашем отделе одни пришельцы. Насчет других точно сказать не могу. Но за то время, что я нахожусь в Пантеоне, еще не встретила ни одного писателя-либрумца. А вы, ребята?

– Тоже нет, – согласно кивнул Даниэль, забив очередной мяч. – Мне приятель рассказывал, что коренные жители Эдема перестали становиться писателями. Хотя без понятия почему. Но, может, кто-то из них еще здесь и работает, просто мы не сталкивались. Пантеон огромный.

– Ясно. – Я кивнула и сменила тему. – А что вы писали при жизни?

▲– Я – современные любовные романы, – откликнулась Мария, отложив планшет в сторону.

– Я – исторические, – промурлыкала Майя.

Я с любопытством покосилась на Даниэля.

– А я просто женщин люблю, – усмехнулся он, уловив ход моих мыслей, и перенаправил фантазийный мяч из корзины ко мне. – А ты, Кара, что писала?

– Ромфант, – отозвалась я, немного подпрыгнув на стуле, но сумев-таки его поймать.

Ребята переглянулись и расхохотались.

– Эй, хватит смеяться! – с веселым укором выпалила я, подбрасывая мяч на ладони и наблюдая за ними. – Между прочим, это та же фантастика, только с раскрытием отношений между людьми. А тема любви – одна из ключевых в мировой литературе.

– Ладно-ладно, мы поняли, не нам тебя осуждать, – усмехнулась Мария, и я запустила в нее фантазийным мячом.

– Чтобы вы знали, в «Реальной магии» все было прилично.

И вообще, книга была о том, что многие наши заветные желания можно исполнить и без магии. Достаточно просто начать что-то для этого делать.

– Ого, да ты у нас философ, – издевательски протянул Даниэль, не сводя с меня озорного взгляда.

– Бывает. Иногда, – пробормотала я смущенно.

Благо в этот момент подошла та самая Кристина Бонне с остальными коллегами, и тему развивать не пришлось. Мария, вернув Даниэлю фантазию одним резким движением, представила меня куратору, и вскорости мы приступили к сути собрания.

– Итак, дорогие мои, – бодро начала госпожа Бонне, – на повестке дня у нас профилактика стресса и эмоционального выгорания.

– Что? Опять? Это же было в прошлом триместре! – возмутилась Лиза. – Сколько можно!

– Дело в том, Лиза, что это у нас, писателей, высокие зарплаты, казенное жилье с горшочками фантазийной герани на окнах и полный соцпакет, а обычным людям приходится вкалывать в поте лица, чтобы обеспечить себя благами цивилизации. Они волнуются, устают... Так что, ребята, живо взяли себя в руки и включили воображение. У кого какие идеи?

▲– Ну, можно материализовать бомбочку-проектор для ванн, которая бы превращала обычную воду в морские глубины, – лениво протянула Мария.

Кристина прищурилась, застучала пальцами по столу, обдумывая предложение.

– Мелковато, хотя... Если немного добавить размаха и расширить функционал, то можно протолкнуть твой проект на рынок туризма. Пожалуй, владельцы вторых и третьих береговых линий могут заинтересоваться подобным устройством для своих бассейнов и аквапарков. Что ж, Мария, принимается. Кто дальше?

– Можно создать шлем-коммуникатор для общения с домашними животными, – бойко выпалил Даниэль, и присутствующие посмотрели на него с сомнением. – А что? – ничуть не стусевался он. – Прикольно будет. Представьте, приходишь домой, садишься на коврик перед собакой. Надеваешь ей считывающий мысли ошейник, себе – шлемпереводчик, и вы начинаете лаять друг на друга.

– Тогда уж лучше взять попугая! – оборвал его Макс и, что-то быстро прошептав, материализовал у себя на плече огромного какаду.

– Хозяин – дурак! Хозяин – дурак! – протяжно заверещала фантазийная

птица,
демонстративно
расправив
крыло,

и присутствующие дружно грохнули.

– Нет, парни, – выпалил Тим, отсмеявшись. – Круче домашней крысы собеседника не найти! Самое то для задушевных разговоров. Вот, смотрите...

О жизнь моя, как быстро ты проходишь.

А я бегу, как раб твой, в колесе.

И каждый день сквозь лоскуток решетки
Внушает мысли о неравенстве, нужде[1].

Все дружно прыснули, глядя на ту самую крысу, что с выражением вселенской скорби на серой мордочке рассуждала о тяготах земного бытия.

– Отлично, ребята, тогда серия коммуникаторов с домашними животными за вами. Сами напросились, – поймала их на слове

▲Кристина и добавила со зловещими интонациями в голосе: – Жду не дождусь презентации.

Парни мрачно переглянулись, видимо живо представив свою незавидную участь, а остальные громко расхохотались.

– А-а-а... А что, если придумать дронов для выгула собак с голограммами их владельцев? – осторожно предложила я, когда коллеги немного успокоились.

Их любопытные взгляды тотчас устремились в мою сторону.

Я улыбнулась немного смущенно и продолжила:

– Уверена, что сони вроде меня не отказались бы от возможности подольше поваляться в кровати, вместо того чтобы тащиться на улицу в самую рань. Да и людям, которые заболели, к примеру, и не могут покидать свои квартиры, такой гаджет тоже пришелся бы по душе. А если его еще и оснастить камерой и микрофоном, он бы сгодился и для коммуникации между собачниками.

– Идея хорошая, Кара, – мягко сказала Кристина, – только такое устройство в Эдеме уже давно существует.

Я расстроилась.

– Жаль... – Но тут же выпалила с энтузиазмом: – О, а если придумать шлем, который надеваешь во время сна или в офисе – и представляешь, что занимаешься спортом? Мне как-то на глаза попала научная статья, где описывался один интересный эксперимент. Спортсменов просили в красках представить, как они пробегают большие дистанции километр за километром, потеть, пыхтя и ощущая, как ноют и горят от нагрузки мышцы. Так вот, когда они воображали, что бегут, то сокращались соответствующие группы мышц. Уверена, такое устройство пользовалось бы большим спросом у людей с повреждениями суставов или позвоночника на этапе реабилитации. И не только. Ведь это такой кайф снова испытать те ощущения, что дарит пробежка или любая другая физическая активность после долгого перерыва! Чем не лекарство от стресса? – бодро закончила я и с любопытством посмотрела на куратора, ожидая вердикта.

– Ты как Шон Феррен, – улыбнувшись, тихо сказала Кристина, и ребята понимающе переглянулись.

Я нахмурилась.

– В смысле?

▲– Это его идея моделируемой реальности, – пояснила куратор. – Очень денежная, но, к сожалению, запатентованная. Он уже не первый год трудится в этом русле, и устройства, созданные на основе его технологии, пользуются бешеной популярностью в Эдеме.

Я с огорчением вздохнула.

– Понятно...

А потом вспомнила, какой восторг мне подарила мандариновая роща и, оживившись, сделала очередной заход.

– А если материализовать устройство, которое бы позволило обустроить сад на потолке? Я от одного гида слышала, что в Германии есть специальные места, куда приходят люди, у которых нет земельного участка, чтобы поработать на огороде. Говорят, это их здорово успокаивает.

Рискну предположить, что не у всех жителей ФФЗ, да и Эдема в целом, имеется возможность выращивать растения в своих домах. Хорошо тем, у кого есть коттеджи или лоджия, как у меня. Но что делать людям, которые проживают в более скромных условиях, но желают приобщиться к природе?

В глазах Кристины зажглись огоньки.

– Продолжай.

– Так вот... Поднимаешься по стеночке на потолок, как вампиры в фильмах, берешь лопату, семена, лейку и начинаешь возиться в земле. А когда все зацветет, то можно просто ложиться на травку и релаксировать. А люстра вместо солнца освещала бы обе плоскости.

– А что... Зеркальное пространство... Мне нравится, – усмехнулась Кристина. – Оно могло бы стать востребованным не только у людей, стесненных в средствах, но и у элиты. Более того, из этого могло бы зародиться новое направление в архитектуре!

Принято, Кара. Проект за тобой. Если сама не справишься, возьми кого-то себе в помощники.

Я счастливо улыбнулась и больше не высывалась. Кристина попросила всех пока не распространяться по поводу своих идей, и на этом планерка кончилась. Ребята стали расходиться по капсулам, и тут меня осенило, что фантазию-то я застолбила, но как ее претворять в жизнь было неясно.

– Мария, ты не подскажешь, как работать с проектами? – догнала я ее в коридоре.

▲Мая с Даниэлем о чем-то оживленно болтали, к хмурой Лизе я откровенно побаивалась приближаться, а госпожа Арлен показалась мне бойкой и дружелюбной.

– Так же, как и материализовать обстановку у себя в кабинете? – предположила я.

Мария окинула меня оценивающим взглядом, а потом доброжелательно улыбнулась и подошла поближе.

– Не совсем, Кара. На компьютере установлена программа «Творец». С ее помощью можно сохранять 3D образ твоего материализованного прототипа в архиве и фиксировать все вносимые в него изменения. Так что в любой момент можно просмотреть весь путь его создания. А еще программа тестирует прототип и определяет процент эффективности. Очень удобно, кстати, таким макаром отлавливать всякие ошибки и недочеты.

Я представила, сколько времени уйдет на самостоятельное освоение хай-тековской целины, и приподнятое настроение пошло на спад.

– Понятно...

Видимо, что-то такое отразилось на моем лице, потому что в следующий миг Мари предложила:

– Если хочешь, могу показать, как ею пользоваться. Мы, писатели, должны помогать друг другу.

Я просияла.

– Мария, спасибо огромное! Ты чудо!

Моя собеседница усмехнулась, и мы вместе отправились в мою капсулу.

– Неплохо... – протянула она, с интересом разглядывая обстановку сферы. – И ты создала все это за день?

–

Ага.

Здорово,
правда?

Хочу

потом

поколдовать

над мандаринками, а то иллюзия не особо правдоподобная, но в целом кабинет мечты готов.

– А ты быстро освоилась, Кара...

Я посмотрела на нее с удивлением.

– А разве не у всех так?

– Бывает по-разному. Я с кабинетом столько времени провозилась, пока создала мало-мальски путный интерьер, что даже вспоминать не хочу. Давай лучше займемся «Творцом». Включай компьютер.

▲Надо сказать, наставник из госпожи Арлен вышел преотличный.

Она быстро и четко провела мастер-класс, ответила на все вопросы и, пожелав удачи, удалилась. Так и начались мои трудовые будни в Пантеоне.

Я просыпалась в семь утра и первым делом отправлялась на пробежку в парк. Пока носилась там по дорожкам, параллельно практиковалась в материализации. Отчего у меня над головой постоянно висели то цветущие кустарники с порхавшими над ними райскими птицами, то яблоневые сады, то прудики с лотосами...

Да каких только образов не подкидывало мое воображение!

Встречавшиеся мне люди что-то восторженно выкрикивали, аплодировали или просто, как дети, тыкали пальцами в пролетавшие мимо них иллюзии. Я улыбалась, смеялась и старалась подольше удерживать контроль над фантазией.

А набегавшись вдоволь, отправлялась завтракать в кафе на набережной. Со мной непременно кто-нибудь заводил беседу – либо администратор, либо кто-то из завсегдатаев. А если туда заглядывали мамы с детишками, то я в ожидании заказа развлекала их демонстрацией сказок с материализованными зверушками.

Вокруг нас непременно собиралась кучка зевак, которые с любопытством наблюдали за красочным действием. И восторг, вспыхивавший в их глазах, и слова благодарности заряжали меня энергией и вызвали острое желание творить. Да, господин Штольцберг был прав: писателей в Эдеме обожали.

Что касается Пантеона, работа там шла полным ходом. Я долго не знала, с какой стороны подступиться к зеркальному пространству, поэтому действовала методом проб и ошибок. Создавала навесы у себя в кабинете и, вооружившись словарем синонимов и прилагательных, крутила формулировки и так и эдак, стараясь забраться наверх без помощи рук и хотя бы недолго побарахтаться вниз головой. А когда мне надоедало падать, то переключалась на мандариновую рощу, пытаясь довести иллюзию до совершенства.

Надо сказать, вскорости в этом деле я преуспела настолько, что пришлось организовать поставку настоящих фруктов к себе в сферу. Ибо фантазии фантазиями, а желудочный сок никто не отменял. Довольная, я поставила вазочку с реальными мандаринами слева от монитора, чтобы особо на них не налегать: мало ли, вдруг лицо

▲разнесет. А справа – с мандаринами материализованными. И при случае предлагала коллегам угоститься.

– Здорово! – с восхищением воскликнул Даниэль, узнав, что выбрал «неправильный» фрукт и потянулся рукой за «правильным». – Они совсем как настоящие. И цвет, и запах, и вкус...

– Спасибо, – просияла я. – Только не говори никому, ладно? Иначе мой ребус перестанет быть ребусом.

– Шутишь? Не скажу, конечно. Наоборот, посоветую знакомым заглянуть к тебе в гости. Потом расскажешь, угадал ли кто, – подмигнул он.

– Договорились.

– Знаешь, Кара, – заговорил Даниэль серьезней, – у тебя отличный кабинет, но... не распылялась бы ты так на вещи, которые не имеют прямого отношения к проекту. Так и выгореть недолго. Не справишься с работой, будет нечем платить писательский налог. А он немаленький. И сумма постоянно растет.

– О, впервые о таком слышу, – удивилась я. – Спасибо, что сказал. Надо будет в бухгалтерию позвонить. А насчет выгорания...

Не беспокойся, мне это не грозит.

– Откуда такая уверенность?

– Ну, если вкратце, то мама говорит, что я живу в гармонии со своим внутренним ребенком, и он дает мне энергию для творчества. Даниэль усмехнулся.

– Все с тобой ясно, Кара. И все равно не распыляйся.

Я кивнула, хотя уже тогда знала, что не сумею выполнить обещание. Господин Штольцберг сказал, что у воображения нет границ. Я же хотела понять, есть ли они у меня. Поэтому с каждым днем все сильнее углублялась в свои агроэксперименты.

На почве повышения КПД, ну и из любви к искусству я стала по утрам, как скалолаз, штурмовать крышу своего рабочего кабинета. А забравшись туда, создавала альпийский лужок и расхаживала там, словно агроном со стажем, с мешочком земельки и фантазийной лопатой в руках, пытаясь претворить идею зеркального пространства в жизнь.

Когда заходила в тупик, делала передышку и устраивалась потурецки на травке с чашечкой чая или просто валялась с наушниками в ушах и глядела в пустоту в поисках озарения. Так что вскорости моя

▲позеленевшая сфера превратилась в своего рода местную достопримечательность.

Коллеги, с любопытством наблюдавшие из окон своих рабочих кабинетов за моими творческими безумствами, поначалу держались отстраненно, но потом, во многом благодаря стараниям Даниэля, стали подлетать поближе и заглядывать на огонек. Я, разумеется, всех привечала и радушно угощала мандаринами.

Макс с Тимом, которые появлялись в моей капсуле чаще остальных, решили взять надо мной шефство в карлетном вопросе. И чуть ли не каждый день после работы мы забирались в крылатую машину кого-то из них и уносились высоко в небеса.

Парни не только рассказывали и показывали куда нажимать, но и периодически, будто бы невзначай, демонстрировали то мертвую петлю, то пике. Или, якобы забывшись, теряли управление, чтобы позабавиться над моей бурной реакцией. А вот когда кнопки путала я, то уже парням становилось не до смеха. Из-за таких вот сюрпризных моментов в салоне карлета постоянно кто-то визжал, кто-то хохотал до колик, а кто-то ругался. Причем подходил к этому делу с воображением – мы же писатели.

Зато после таких стресс-тестов для наших материализованных организмов мы отправлялись в паб снимать напряжение. Там к нам частенько присоединялись Мария с Майей, и мы впятером за пинтой пива и сырными шариками в чесночном соусе весело болтали обо всем подряд. Иногда туда заглядывал и Даниэль, но лишь тогда, когда его отпускала Кларисса, роскошная подружка-модель. По этому поводу не шутил только ленивый, однако он невозмутимо отмахивался от всех подколов.

Глядя на ребят, я думала о том, как быстро эти еще недавно незнакомые мне люди становились важной частью моей новой жизни. И общение с ними отвлекало от мыслей о доме.

Две недели пролетели незаметно, и каждый новый день, проведенный в Эдеме, дарил очередной приятный сюрприз.

– Кара, ты уже выбрала наряд для бала иллюзий? – поинтересовалась прямо с порога Мари, заглянув как-то раз ко мне в сферу.

– Что за бал? – спросила я, оторвавшись от голограммы прототипа.

▲– А, ты еще не в курсе...

Она материализовала себе удобное кожаное кресло и, откинувшись на широкую спинку, принялась воодушевленно меня просвещать.

– Бал иллюзий – одно из самых пафосных мероприятий года, которое проводится специально для писателей. Своего рода корпоратив для работников Пантеона. Только среди гостей часто бывают еще и члены правительства, популярные музыканты, художники и прочие сливки общества. В общем, ты обязана там побывать. Поэтому звони парням и отменяй ваши уроки полета на сегодня – у нас с тобой шопинг.

В ацком забеге по магазинам решила принять участие еще и Майя, так что сразу же после работы мы втроем направились в крупный торговый центр. Убили два часа на плутания по роллетам, но наши поиски идеальных нарядов так и не увенчались успехом. Внезапно я замерла возле магазина, на витрине которого было выставлено алое эфириусное платье. Без бретелек, короткое, длиной всего до колена, оно было соткано из бутонов роз. А линию талии

вместо пояса украшал зеленый стебелек. Нежные лепестки, опадая, создавали живой подол и, едва коснувшись пола, растворялись в воздухе. Чтобы возродиться вновь. Жизнь и смерть. Начало и конец. Две грани бытия. Вот что символизировало это платье.

– Девчонки, давайте зайдём, – прошептала я, как замороженная разглядывая чудесный наряд. – Хочу его примерить.

– Кара, не стоит, – попыталась отговорить меня Майя. – Оно же эфириусное!

Я озадаченно поглядела на девчонок.

– И что?

– А то, что только богатейшие люди Либрума могут позволить себе что-то подобное! – с легким раздражением бросила Мари. – Эфириус – очень дорогое и редкое вещество, а его добыча сопряжена с огромными временными затратами. Поэтому изделия из него стоят целое состояние. Сидя в Пантеоне, привыкаешь к тому, что можешь иметь все, что захочешь, но, когда покидаешь его стены, реальность разочаровывает.

– И все-таки я бы хотела его примерить, – улыбнувшись, мягко повторила я.

▲Однако Мари отреагировала на мою невинную просьбу неожиданно бурно.

– Но какой в этом смысл, если ты не сможешь за него заплатить? – фыркнула она и сложила на груди руки. – Вряд ли администратор магазина предложит рассрочку, а если и так, не факт, что ты ее потянешь. Только время зря потеряем. Выбери себе что-то другое. Тоже красивое, но попроще.

Я растерялась на миг, но потом снова улыбнулась и честно призналась:

– Красивое, но попроще было у меня в прошлой жизни. А в Эдеме я хочу пойти на бал в чем-то по-настоящему волшебном. – Подошла поближе к подругам и взяла их за руки. – Ну же, девчонки! Давайте заглянем хоть на пару минут! И вы себе тоже что-нибудь выберите. Если ничего не купим, то хотя бы развлечемся!

На лице Майи появилось мечтательное выражение.

– Мари, Кара права, с нас не убудет, – промурлыкала она, загоревшись идеей. – Ну же, идем!

Мари покусала губу и нехотя буркнула:

– Ладно, уговорили.

А десять минут спустя я, счастливая, уже кружилась в роскошном наряде перед зеркалом.

Однако когда девушка-консультант назвала его стоимость, мне стало дурно. Писатели Пантеона по меркам Либрума получали немало. Даже новички. Но услышанная сумма впечатляла. Зато сразу стало понятно, почему взбунтовалась Мари, которая, в отличие от меня с Майей, чувствовала себя здесь неуютно.

Она сидела в широком кожаном кресле, обхватив себя руками, и нетерпеливо постукивала ножкой.

Я окинула ее мимолетным взглядом и повернулась обратно к зеркалу, решая, стоит ли узнавать про рассрочку, как внезапно услышала: «Карина, девочка моя дорогая, мы все пришли тебя навестить. Твой отец, Мила, я...»

Голос мамы прозвучал громче и четче, чем прежде. Боль и тоска тотчас сдавили грудь, и я замерла, не в силах пошевелиться.

Наверное, если бы в этот момент услужливый администратор предложил мне забрать все платья, висевшие в магазине, за просто так, я бы не испытала ровным счетом ничего. Ведь ни один подарок в мире,

▲ даже новая жизнь в практически сказочном месте, не способен компенсировать отсутствие дорогих сердцу людей.

– Кара, что с тобой? – испуганно прошептала Майя, оторвавшись от просмотра голографических нарядов из каталога. – Ты так побледнела...

– Я принесу вам стакан воды, – пробормотала девушка-консультант и унеслась из примерочной.

– Что случилось? – спросила Мари, нахмурившись. – Можешь говорить спокойно. Кроме нас, здесь никого нет.

Признаваться мне не хотелось. Я понятия не имела, как девчонки отреагируют, узнав, что их новую знакомую одолевают галлюцинации. Хорошо если шарахаться не станут.

Но в тот момент ничего, кроме правды, выдать из себя не могла. Хотя и постаралась придать словам налет небрежности.

– Да так, ерунда. Просто услышала голос мамы...

Прозвучало жалко. Я потупилась, закусил губу, а потом смущенно посмотрела на подруг.

К моему удивлению, они восприняли эту информацию спокойно.

– Это остаточная память, Кара, – отмахнулась Мари, и морщинки на ее лбу разгладились. – Первое время такое бывает со всеми, кто попадает в Эдем. Но потом проходит. Не обращай внимания. Это все ерунда.

Я удивилась.

– Правда? А я уж было решила, что схожу с ума.

Майя подошла ко мне и ласково обняла за плечи.

– Нет, Кара, Мари права. Все дело в воображении. Оно играет с нами злую шутку. Тебе не хватает родных, и твой мозг придумывает то, чего на самом деле не существует. Я около месяца слышала голоса родителей, что-то им говорила, плакала. Иногда мне даже казалось, что они отвечали. Но все это было не по-настоящему.

– Еще бы! – фыркнула Мари, положив ногу на ногу. – Ведь на самом деле мы с вами уже давно мертвы, наши тела гниют в сырой земле, и никому нет до нас дела!

Я ошарашенно уставилась на подругу. Майя послала ей укоризненный взгляд, а потом снова повернулась ко мне и мягко проговорила:

▲ – Все прошло, когда я завела друзей, встретила Фреда, влюбилась. У тебя будет точно так же, Кара. Потерпи немного. Скоро все наладится.

В этот момент вернулась девушка-консультант и протянула мне стакан воды.

– Возьмите.

– Спасибо. – Я благодарно улыбнулась и отпила немного.

Сразу же стало легче.

Сделала еще пару глотков и вернула стакан. А затем, переодевшись, под руку с подругами покинула магазин. На этом можно было бы распрощаться и поехать домой, но мне не хотелось сидеть одной в четырех стенах. Я боялась, что галлюцинации вернуться, а компания девчонок отвлекала. Поэтому мы продолжили

втроем бродить по магазинам.

Я улыбалась, делала вид, что уже успокоилась, и подсказывала подругам, какие наряды лучше на них сидят, хотя сама при этом больше ничего не примеряла. Не знаю, замечали они тот раздрай, что царил у меня в душе, или нет, но даже полтора часа спустя все разговоры

крутились

исключительно

вокруг

предстоящего

мероприятия.

– Мари, ты идешь на бал с Томом? – поинтересовалась Майя, отправив в рот кусочек лобстера, когда мы, уставшие и голодные, забрели в какой-то уютный ресторанчик с отличным видом на море.

– Ориентировочно да, но понятия не имею, как выйдет на деле.

– Что так? – спросила я, сделав глоток вина.

С Томом я пересекалась всего пару раз, в основном, когда он забирал Мари на своем карлете из нашего бара, а заодно подбрасывал домой и меня. Однако, несмотря на поверхностное знакомство, мне он показался хорошим парнем.

Том был высоким, сухощавым и таким же рыжим, как и подруга.

А еще у него была теплая улыбка, простой искренний взгляд и мягкое чувство юмора. Я думала, что у них с Мари все было в порядке, но что-то в ее интонациях заставило меня в этом усомниться.

– Ну, Том погряз в работе и в последнее время редко со мной кудато выходит, – сказала она с недовольством в голосе. – И вообще, он стал ужасно раздражительным, психует по пустякам... Не знаю, что будет дальше.

▲Мари скомкала пальцами салфетку и с досадой ее отшвырнула.

– Мне кто-то говорил, что у него проблемы с проектом, это так? – уточнила Майя, нахмурившись.

– Угу, – нехотя призналась Мари. – Только он поздно об этом задумался.

Майя со знанием дела кивнула.

– Наверняка в этом все дело. Кто угодно занервничает, если не будет успевать закончить работу в срок. Такие штрафы могут вкатать – век не расплатишься. Особенно если до этого на что-то крупное потратился или связался с кредитами. Опять же налоги... – Мари еще больше помрачнела, и Майя послала ей ободряющую улыбку. – Потерпи немного. Вот увидишь, у вас все обязательно наладится, когда он разберется с проектом.

– Наверное, – тихонько пробормотала Мари, задумчиво теребя пальцами золотой браслет наручных часов.

– Не наверное, а точно! – усмехнулась Майя и с громким звяканьем отставила тарелку в сторону. – Ну же, Мари, выше нос! И ты, Кара, тоже не кисни. У нас ведь в субботу бал. Уверена, ты сумеешь там кого-то себе найти, – лукаво, прищурившись, выдала она. – Только сначала платьем обзаведись!

– А что, если мне его самой материализовать? – озвучила то, что уже давно крутилось в голове.

Подруги от изумления выпучили глаза.

– В жизни ничего более бредового не слышала! – первой среагировала Мари, вмиг позабыв о своих проблемах на любовном

фронте. – Я ведь тебе уже говорила, Кара, что эфириус очень дорогой. Где ты будешь его добывать? Или ты собралась идти на бал в иллюзии? – скептически поинтересовалась она, и девчонки, переглянувшись, звонко расхохотались.

– А почему бы и нет? – насупилась я. – Мы ведь каждый день именно этим и занимаемся в Пантеоне.

– В Пантеоне большая часть нагрузки приходится на сферы. А ты точно перегрелась на солнце, если всерьез рассматриваешь такой вариант, – усмехнулась Мари, явно забавляясь. – Даже если представить, что ты сумеешь материализовать что-то стоящее, – наставительно вещала она, – то для того, чтобы удержать иллюзию

▲на протяжении вечера, нужен ресурс, как у топа. Не меньше!
И концентрация буддийских монахов.

– Да, Кара, это действительно так, – согласно кивнула Майя. – В Амфитатре будет полно отвлекающих факторов: музыка, разговоры, танцы... Ты и четверти часа не протянешь! Пообещай, что не станешь связываться с этой дичью, – добавила она с беспокойством.

Желания ввязываться в спор у меня не было, хотя и имелось что сказать. Но все же к совету подруг решила прислушаться, девчонки прожили в Эдеме побольше моего и лучше разбирались во всех местных тонкостях.

– Ладно, не стану, – пошла на попятную я.

Мы поболтали еще немного и вскорости распрощались.

Я опасалась, что, оказавшись дома, на меня снова накатят тоскливые мысли. Но стоило голове коснуться подушки, как я тотчас провалилась в сон. Бог есть. Ночной отдых помог восстановить силы. Так что наутро с привычным энтузиазмом я направилась в Пантеон.

За прошедшее время в проекте зеркального пространства наметились существенные подвижки. И теперь я уже подчитывала не словарики синонимов и прилагательных, а техническую литературу, которой меня милостиво снабжал Даниэль. Надо сказать, за те две с половиной недели мы с ним здорово сдружились.

Мне нравился Даниэль. Он был из разряда людей, с которыми можно было и посмеяться, и погрузстить. Но даже грусть рядом с ним была какой-то особенной. Светлой.

Я называла его чудиком, а он меня милашкой. И мне это тоже нравилось. Ведь такое прозвище было не подкатом, а приятельским обращением. Он умел доброжелательно относиться ко всем девушкам несмотря на то, что имел свою, особенную, и был глубоко и неотвратимо в нее влюблен.

– Ну что, милашка, как дела? Есть подвижки в работе? – поинтересовался он, забравшись на крышу моей капсулы по фантазийной дорожке из желтого кирпича.

– Еще какие! – с гордостью сообщила я. – «Фундамент» – это было рабочим названием моего прототипа – я уже создала. Но до одури опасаясь сверзиться в пропасть во время его тестирования.

– Так и быть, помогу тебе с этим и припаркую свою капсулу под твоей. Далекое не улетишь. Только с тебя причитается

▲вознаграждение.

– Неужели ты позарился на мои мандариновые запасы? – лукаво прищурилась, осведомилась я.

Даниэль рассмеялся.

– Было бы неплохо, но нет. Это твое зеркальное пространство – вынос мозга! Пообещай, что я буду первым, кого тыпустишь в свой сад.

– Брр... Звучит-то как пошло. Но я согласна. По рукам. – Я протянула ему ладонь, и мы обменялись рукопожатием. – Кстати, а как обстоят дела с твоим коммуникатором?

Даниэль прыснул.

– Это кошмар! Кларисса для экспериментов одолжила мне свою Сэнди. – Я недоуменно вскинула брови, и он весело пояснил: – Это шелти, такая же неугомонная, как и ее хозяйка. Клянусь, она сведет меня с ума раньше, чем это сделает Кларисса!

Я расхохоталась.

Признаться, общение с приятелем придало мне заряд энергии.

А его обещание подстраховать заставило испытать облегчение.

Поэтому остаток недели я посвятила подготовке к празднику.

Очередная прогулка по магазинам потерпела фиаско, что только укрепило меня в мысли, что надо бы попытаться претворить мою шальную фантазию в жизнь. К тому же на работе пальцы нет-нет, да и тянулись к карандашу, чтобы нарисовать эскиз платья. А регулярные пробежки по парку и посиделки на «крыше» должны были помочь отточить навык самоконтроля.

Так что по вечерам я прогуливалась по пляжу, вдыхая ароматы хвои и соли и наблюдала за тем, как бурливое море меняет свои оттенки. Потом приходила домой, дорабатывала дизайн наряда, после чего практиковалась в его материализации. Пару раз из-за таких вот экспериментов меня чуть не затопило, но это все детали. Главное, что результат себя оправдал, и вечера субботы я ждала с нетерпением.

▲Глава 4

Бал иллюзий

Яркие огни стробоскопов, приглушенные крики толпы, и мои губы, неустанно нашептывающие на заднем сиденье карлета:

О дивное море, могучий прибой,
Куда ты несешься смешливой волной?

В лазурных глубинах твоих, словно птица,
Порхает, живет, веселится девица.

Одета она не в меха иль в шелка,
Соленая влага ей больше драга.

Чудесный наряд, величавый, бурливый,
Как у царевны подводной, игривый.

Луна в волосах освещает простор.

В ночной тишине маяк и дозор.

Я закончила бормотать слова своей чудо-формулы и ощутила, что моя иллюзия напиталась силой. Заколка в виде полумесяца, что скрепляла прическу с левой стороны, засияла – и полумрак салона озарился мягким серебристым светом.

Я улыбнулась, смежила веки, и в ожидании того, когда наступит очередь моего таксолета подъехать к Амфитеатру, сделала несколько глубоких вдохов, чтобы немного успокоиться. В груди разлилось ощущение какого-то трепетного волнения, а вместе с ним поселилась и надежда. Надежда на то, что концентрация не ослабнет, и я сумею исполнить мечту; что моя дерзкая выходка будет правильно понята высшими мира сего и что мой бал, мой первый в жизни бал, пройдет волшебю.

– Госпожа Грант, мы на месте, – оторвал меня от раздумий вежливый голос водителя.

– Что, уже? Так быстро? – отозвалась я и выглянула в окошко.

▲ Сквозь тонированное стекло были видны ряды репортеров, расположившихся по обе стороны от величественного белоснежного здания с массивными колоннами. Многоуровневого строения, напоминавшего своим необычным дизайном свадебный торт. Вверху, над его плоской крышей, сияли разноцветные образы роскошно одетых женщин и мужчин, что неспешно прогуливались в вечернем небе и здоровались друг с другом.

И только сейчас я поняла, почему это пафосное мероприятие называлось балом иллюзий. Ведь эфемерные картины, что плыли во мгле, были не чьей-то материализованной фантазией, а проекциями того, что происходило внутри Амфитеатра.

Они дарили возможность всем жителям Либрума, пускай и удаленно, но все же стать участниками этого торжественного события.

– Сколько с меня? – тихо спросила, отворачиваясь от окошка.

Водитель назвал какую-то сумму, и я протянула ему запястье, куда была имплантирована банковская карточка-чип. Операция прошла успешно, и водитель галантно распахнул передо мной дверь карлета. Ну, вот и все. Готовься, Кара, сейчас настанет твой выход.

Я выпрямила спину и крепко сжала пальцами ручку жемчужного клатча. Настоящего, купленного специально по случаю бала.

Дверь распахнулась – и я, развернувшись, осторожно поставила ногу в черной замшевой туфельке на красное сукно. Подалась вперед, выбираясь из своего временного пристанища, – и подол моего платья шумной бирюзовой волной выплеснулся из салона авто.

В глаза тут же ударили вспышки десятка фотокамер.

– Удачи, госпожа Грант, – ободряюще улыбнулся водитель.

– Благодарю, – ответила ему тем же и, горделиво расправив плечи, направилась вперед.

Грациозной неспешной походкой я двигалась к входу в Амфитеатр по красной ковровой дорожке – таки да, мне посчастливилось по ней пройти, хотя бы и в параллельном мире! Не знаю как в Эдеме, но на Земле девушка, чье тело ласкает не шелк платья, а пенные гулливые воды, выглядит не только экзотично, но еще и эротично. Судя по восхищенным вздохам и восторженным крикам, репортеры были со мной солидарны в этом вопросе.

▲ Я лучезарно улыбалась, делала шаг – и полы воображаемого наряда расходились, обнажая ногу чуть ли не до самого верха бедра, отчего казалось, что моя иллюзия вот-вот развеется. Ощущения были примерно такими, как если бы я надумала поучаствовать в дефиле в наспех накрученном на голое тело полотенце. Однако старательно гнала от себя эти ассоциации, разумно опасаясь, что в противном случае мой наряд нет-нет, да и превратится в банный аксессуар. И если это произойдет, то тогда ситуация будет действительно огонь.

С такими мыслями я добралась до центрального входа в Амфитеатр. Проскользнула внутрь, остановилась, прошептала заветные слова – и моя материализованная фантазия закипела, забурлила, привлекая внимание присутствовавших в холле гостей.

Я вскинула вверх подбородок и огляделась.

Роскошные хрустальные люстры. Постаменты с изящными фарфоровыми вазами, в которых красовались белоснежные лилии. Зеркала в позолоченных рамах. Рядом с одним заметила Мари и уверенной походкой направилась к подруге.

– Кара, ты что, ограбила банк? – ошарашенно ахнула она, обернувшись.

– Нет, – озорно стреляя глазами, ответила я.

– Хочешь сказать, что... – Мари испуганно прикрыла ладонью рот.

– Именно! – просияла я. – Александр Сергеевич Пушкин. Всю неделю его работами вдохновляюсь.

– Что-то не припомню у него такого...

– Разве? – лукаво прищурилась я. – А как же... «Говорят, царевна есть, что не можно глаз отвести. Днем свет божий затмевает, ночью землю освещает – месяц под косой блестит», а в глазах азарт горит? – произнесла нараспев модифицированные строки и с удовлетворением отметила, что сияние заколки усилилось. – О, и вдогонку: «Море вздуется бурливо, закипит, подымет вой, хлынет на берег пустой, разольется в шумном беге» и очутится на берегу! – воодушевленно добавила я.

Подол моего платья тут же всколыхнулся и лазурной пенной волной расплескался по мраморному полу, касаясь носков туфель стоявших неподалеку от нас гостей.

▲От изумления они вздрогнули, отшатнулись, но тут же заулыбались своему испугу, а я невозмутимо пожала плечами.

– Собирательный образ. Трехтомник. Шестьсот двадцать третья, шестьсот восемнадцатая страницы.

Мари усмехнулась и покачала головой.

– Хорошо, что ты не надумала приплести богатырей.

– Очень хотелось, – хихикнула я. – Но тридцать три фантазийных амбала в золотых, пылающих жаром кольчугах для здания Амфитеатра, где и так немало приглашенных, это уже перебор.

Были бы гномики – другое дело, – добавила весело и подмигнула.

– Ты чокнутая, Кара, – проговорила она со смесью восхищения и осуждения. – Хоть представляешь, что будет, если твоя иллюзия развеется?

– Очень надеюсь, что этого не произойдет. Главное, почаще повторять слова материализации и особо увлеченно не танцевать, чтобы от переизбытка эмоций не утратить контроль. Жаль, что нельзя подкреплять фантазию ментально. Было бы проще. А так постоянно приходится что-то бормотать. Ну ничего, как-нибудь справлюсь.

– А если нет?

– Ну, на этот случай я прикупила белье телесного цвета. Если что, прикинусь, что у меня платье-трансформер. Шалить так шалить, – заговорщически протянула я и расхохоталась.

Мари прыснула следом и, отсмеявшись, задумчиво изрекла:

– Пожалуй, надо будет попросить подогнать мой карлет поближе к черному ходу...

– Значит, план Б готов, – хихикнула я, и мы снова расхохотались.

Внезапно я ощутила, что мое платье подернулось серебристой рябью. Немедленно взяла себя в руки, повторила заветные слова и, вернув контроль над фантазией, опять обратилась к подруге:

– Кстати, шикарно выглядишь.

На ней красовалось роскошное темно-зеленое платье с бархатным корсажем, расшитым золотыми нитями и пышной тюлевой юбкой. Рыжие волосы были завиты и уложены в высокую прическу, подчеркивавшую лебединую шею и покатые изгибы плеч. А вот взгляд серых глаз сделался острым, охотничьим, и это навело меня на иные мысли.

– А где твой кавалер?

▲– Трудится на благо Эдема, – сухо бросила подруга, и мне стало неловко.

– Мари, не расстраивайся, – мягко сказала я и ободряюще коснулась ее руки. – Уверена, что у вас все наладится, когда он закончит проект.

– Посмотрим, – небрежно отмахнулась она. – Ладно, не будем говорить о том, что навеивает скуку. Лучше пойдем веселиться. Я кивнула, решив не приставать с нежелательными расспросами, и мы направились к центральной лестнице. Мари шла впереди. Я же держалась чуть позади нее, тихонько нашептывая свою чудо-формулу. Подруга задумчиво на меня поглядывала, но от дела не отвлекала. И вскорости мы миновали фойе второго этажа и оказались в бальном зале, обставленном с разнузданной роскошью. Здесь было шумно и многолюдно.

В дальнем конце виднелась сцена, на которой господствовали музыканты. Белый рояль, скрипка, контрабас, ударные – хорошее сочетание. По обе стороны от постамента располагались небольшие лесенки с позолоченными перилами, которые вели на балкончики третьего яруса.

Судя по небольшому количеству гостей, находившихся там, он предназначался для избранных. Мой взгляд снова спустился вниз и метнулся к стенам, украшенным росписями – иллюстрациями древнегреческих мифов. Не эфириусных, но от этого не менее ярких. У стен я заметила столики с закуской, миниатюрными фонтанами и живыми статуями – юношами и девушками с совершенными телами, покрытыми белой краской, которые подавали тарелки гостям. В жужжащей, словно пчелиный рой, толпе сновали с подносами официанты, но присутствующие не обращали на них никакого внимания.

А вот наше с Мари появление не осталось ни для кого незамеченным.

– Дамы, для меня счастье видеть вас здесь, – приветствовал нас господин Штольцберг, который отделился от небольшой компании, стоявшей неподалеку, и подошел к нам. На нем красовался белоснежный костюм, неестественное сияние которого наводило на мысли об эфириусе. – Карина, роскошно выглядите, – поцеловал он мне пальцы. – Мария, вы тоже прелестны.

▲С интересом отметила, что от этого комплимента подруга покраснелась.

– Карина, как проходит ваше знакомство с Либрумом?

– Чудесно, – усмехнулась я. – Это место – бесконечный источник вдохновения. В нем столько уголков, куда хочется заглянуть! Господин Штольцберг рассмеялся.

– Вижу, вы успели адаптироваться. Даже более чем. – Он

многозначительно вскинул брови. – Но что-то мне подсказывает, что ваше присутствие на балу может наделать немало шума...

Я ошибаюсь? – вкрадчиво осведомился проводник, пристально посмотрев мне в глаза.

В голове тут же возник образ Венеры, выходящей из пены морской, и я чуть не расхохоталась, позабыв о концентрации. Мое платье мгновенно подернулось пеленой, и стало уже не до веселья. Что ж, господин Штольцберг был прав: появление на данном мероприятии одной дерзкой особы могло обернуться как феерическим триумфом, так и эпическим провалом. Но догадался ли он об этом или его слова не более чем очередной комплимент?

– Кто знает, – уклончиво ответила я, чудом вернув контроль над фантазией, и господин Штольцберг усмехнулся.

– Дамы, позвольте угостить вас шампанским, – галантно предложил он. – Официант! – не дожидаясь нашего ответа, проводник вскинул вверх руку, подзывая юношу в черном костюме.

Официант тут же ринулся к нам. Пока господин Штольцберг забирал у него бокалы, я мысленно прикидывала, как бы ненавязчиво вернуть в разговор фразы про море и луну, если беседа затянется. Шутки шутками, но моя пятая точка уже практически намекала, что надо бы, Карина, пускаться в декламацию. Однако вслух я сказала другое:

– Благодарю, – и, улыбнувшись, приняла бокал.

– Спасибо, – просияла Мари. – У вас изысканные манеры.

– Да, мне такое часто говорят, – вежливо, но сухо произнес господин Штольцберг и снова обратился ко мне: – Как продвигается работа над вашим проектом зеркального пространства, Карина? Сад на потолке. Оригинально. В случае успеха это может иметь долгоиграющие и весьма прибыльные последствия...

▲– «Фундамент» я создала. В понедельник планирую приступить к его тестированию. Если не убьюсь в процессе, то все должно получиться, – отозвалась я, уже настроившись на то, что таки придется осчастливить собеседника стихом собственного сочинения.

– Что ж, рад это слышать, – весело произнес он.

Мне не нравилось, что подруга практически не участвовала в нашем разговоре. И раз уж моя иллюзия отчаянно нуждалась в вербальном подкреплении, я, сделав глоток шампанского, решила пойти ва-банк.

– Кстати, у Мари тоже шикарный проект. Бомбочка для ванны, которая превращает обычную воду в морскую пучину, – последние слова произнесла особенно смачно. – Так и представляю, как забираюсь в ванну и ощущаю, как... покатались волны голубые по коже нежной и родной, как будто ласки удальские, что делают русалку девицей земной, – страстно выдала я и краем глаза заметила, что моя материализованная фантазия напиталась силой, а цвет платья сменился.

Зрачки мужчины расширились, уголки губ дрогнули в улыбке. Он обо всем догадался, но деликатно промолчал и переключился на Мари.

– Неужели?

– Да, – охотно отозвалась она, и я с облегчением вздохнула. –

В пятницу показывала прототип техотделу. Скоро должна состояться презентация.

– Отличные новости! Ничто не приносит мне большего

удовольствия, чем информация о новых творениях обитателей Пантеона. Что ж, дамы, рад бы еще с вами поболтать, но вынужден откланяться – дела. – С этими словами он удалился, а я залпом осушила бокал в неравной борьбе со стрессом.

Уже собралась приступить к долгожданному бормотанию, как меня оборвала Мари:

– Bravo, Кара. Твоя иллюзия чуть не развеялась на глазах у сливок общества. Ты хоть представляешь, какой бы тебя мог ждать позор? Неужели это того стоит?

– О да! Я хочу почувствовать себя героиней сказки, – протянула мечтательно.

– Надеюсь, не той, что про голого короля, – скептически фыркнула подруга. – Кстати, когда ты успела так сблизиться

♣с господином Штольцбергом?

– Мы с ним почти не знакомы. Он был моим проводником в Эдем, а сейчас подошел, чтобы поинтересоваться, как мне живется на новом месте. Ты же сама слышала. А что такое?

– Ничего. Просто вы с ним ворковали, как старые добрые друзья. А он ни много ни мало Верховный архонт ФФЗ.

– Кто? – недоуменно переспросила я.

– Верховный архонт, – с легким оттенком недовольства повторила подруга. – Это кто-то вроде нашего президента.

Я ошарашенно на нее уставилась.

– Ты шутишь? А с виду и не скажешь... Так просто держится.

– Понятно, – припечатала Мари. – Ты бы хоть спрашивала, чем занимается человек, который проводит экскурсии по чужим мирам. – Она окинула меня оценивающим взглядом и тяжело вздохнула. – Ладно, возвращайся к своим шепоткам, а то без платья останешься. Я спорить не стала и с энтузиазмом начала повторять слова своей чудо-формулы: «О дивное море, могучий прибор...»

– А, Мари, привет, роскошно выглядишь, – приветствовал подругу не пойми откуда взявшийся Макс. – А что это за красотка рядом с тобой? Познакомишь? – ухмыльнулся парень, но тут же осекся. – Кара, это ты, что ли?

Я изобразила характерный жест рукой, мол, занята, обожди.

И Макс недоуменно посмотрел на Мари:

– Э-э-э... Что это с ней?

– Да так, ерунда. Колдует потихоньку. У нас тут ролевые игры в самом разгаре, и если Кара внезапно выйдет из образа, то шуму будет... – присвистнула она, обозначая масштабы катастрофы, и я неодобрительно на нее покосилась. Но подругу мой невербальный посыл нисколько не впечатлил. – Шепчи-шепчи, не отвлекайся. Макс перевел озадаченный взгляд с меня на Мари, потом обратно и громко расхохотался.

– Кара, ты что, пришла на бал голая?!

– Не голая, а в фантазийном наряде, – промурлыкала я, покончив с вербальными чарами, и демонстративно покружилась на месте. – Но это вроде как секрет, – добавила с нажимом.

– Понял, не дурак, – ухмыльнулся Макс и провел пальцами вдоль губ, мол, его рот на замке. А следом восторженно выпалил: – Пойду

♣Тиму скажу! – И, верно истолковав недоброе выражение моего лица, побормотал: – Э, ты шепчи, шепчи...

С этими словами он убежал разносить сплетни, а пару минут спустя на противоположной стороне зала раздался взрыв оглушительного хохота. Что ж, теперь минимум половина сотрудников нашей группы в курсе моей дерзкой выходки.

– Великовозрастные дети, – бросила небрежно Мари, проследив за тем, как Тим, помахав мне рукой, показал пальцем – класс! – Напомни, почему ты не пошла на бал с кем-то из них?

– Ну, как оказалось, у Макса уже есть кто-то вроде подружки. «Не то чтобы мы с ней встречались... У нас свободные отношения. Но она грохнет меня с особой жестокостью, если посмею ее так прокинуть. Испанка! Очень темпераментная», – не без удовольствия процитировала приятеля. – А хозяйка любимого суши-бара Тима стрясла с него обещание явиться сюда вместе с ее внучкой, иначе доступ к любимому заведению для него навсегда будет закрыт. «Кара, если бы ты появилась в Эдеме чуть раньше, бросил бы все к твоим ногам, но теперь, извини, я стреножен», – объяснила весело, и мы дружно расхохотались.

Внезапно музыка стихла, и люди начали стекаться поближе к сцене. Уверенной бодрой походкой господин Штольцберг поднялся на постамент, взял микрофон в руки и торжественно обратился к присутствующим:

– Рад приветствовать собравшихся в этом зале гостей. Не так давно, всего семьдесят пять лет назад, наш прекрасный Эдем был погружен в хаос и разруху. Крупнейшие мировые державы в борьбе за ресурсы и власть чуть не уничтожили друг друга до основания. Кругом царили голод, нищета, безнадежность и, казалось, ничто на свете не могло этого изменить. Но потом появился Кристофер Нолланд

–
удивительный
человек,
сумевший
своими

материализованными фантазиями проложить всем нам дорогу
в чудесный новый мир.

Зрители заулыбались и восторженно зааплодировали. А когда в зале снова воцарилась тишина, Верховный архонт продолжал:

– К сожалению, Кристофера уже давно нет среди нас. Его светлая душа покинула тело на пике профессионального триумфа – открытия эфириуса. Однако убежден, что он незримо присутствует сегодня

▲с нами. Ведь его дело до сих пор живо и имеет огромное количество последователей. И имя им писатели.

Господин Штольцберг говорил несколько пафосно, даже фанатично, но его слова заставляли сердце замирать, наполняться восторгом и гордостью от сознания того, что я принадлежала к категории тех, кто вершил будущее, неся в мир добро.

– Бал иллюзий – это дань жителей Эдема тем людям, которые изо дня в день жертвуют собой, своими талантами, силой, надеждами и стремлениями ради того, чтобы мы с вами ни в чем не нуждались. Общество процветания – вот их великий дар всем нам! И мы это ценим и чтим. – Верховный архонт умолк, и зал снова разразился бурными овациями. – Поэтому сейчас я с гордостью исполняю возложенную на меня обязанность и торжественно объявляю

об открытии бала в честь писателей. Музыканты, прошу!
Зазвучала бойкая мелодия, и Верховный архонт ФФЗ под аплодисменты зрителей удалился со сцены. Гости начали неспешно расходиться, освобождая место в центре зала для пар, желающих танцевать.
– Может, пройдемся? – предложила подруга, и я согласно кивнула.
– Давай.

▲Глава 5

Мастодонты пера

Мы с Мари неспешно продвигались по залу. Периодически останавливались, когда она встречала кого-то из приятелей, что-то обсуждали и шли дальше. Я улыбалась и с любопытством наблюдала за парами, кружащимися в странных, но очень красивых танцах. А вот подруга моих восторгов не разделяла. Ей было куда интереснее знакомить меня с представителями, так сказать, местной фауны.

– Видишь жуткую пару слева от нас – тучную шатенку в пышном синем платье и высокого худого мужчину в стимпанк костюме, стоящего рядом с ней?

Я повернула голову в указанном направлении и сразу поняла, кого имела в виду Мари.

Ибо не опознать этот колоритный дуэт было попросту невозможно. На женщине красовалось темное, как штормовое небо, платье. Оно то и дело искрило и, казалось, заглатывало, втягивало в себя пространство вокруг, искажая его и ломая. Вид этого странного зрелища отчего-то вызывал отчаяние, тоску и наводил на мысли об эфириусе.

Глаза незнакомки были густо подведены черным карандашом, тонкие губы с кроваво-красной помадой кривились в злорадной ухмылке. Мужчина, который к ней обращался, держался чопорно, но выглядел при этом не менее внушительно во фраке, сквозь медную ткань которого просвечивали не ребра или внутренние органы, а гайки и шестеренки.

– Это Дориан Мариам. Топовый автор. Раньше писала дарк фэнтези. А ее собеседник – Торнтон Клай. Научная фантастика. Тоже входит в десятку лучших писателей Либрума, – сообщила Мари. – В прошлой жизни Торнтон был помешан на механизмах и после попадания в Эдем нашел способ в полной мере удовлетворить свою потребность приобщиться к миру холодного металла. Обрати внимание на костюм, в котором он явился на бал. Говорят, ему шьют их по его собственным эскизам.

▲– Неплохо... – протянула я, с интересом разглядывая мужчину. – Мне кажется или эти шестеренки вертятся?

– Не удивлюсь, если еще и тикают, – усмехнулась подруга. – Господин Клай презирает свою биологическую сущность. Убеждена, что он бы с радостью вырвал из груди сердце и заменил его железным, если бы представилась такая возможность. Хотя... Кто знает, чего он пожелал во время своей материализации, кроме как отощать. В отличие от этой Дориан. Топ топом, а похудеть и сбросить пару десятков лет она не догадалась.

– Или не захотела, – парировала я, внимательнее разглядывая незнакомку. – Умение ценить себя такой, какая ты есть, и любить каждую свою морщинку и каждый свой килограмм дорогого стоит.

Тогда ее выбор заслуживает уважения.

Мари скептически фыркнула и сделала глоток шампанского. А я, воспользовавшись моментом, освежила иллюзию. Море тотчас зашумело, забурлило, наливаясь красками. Внезапно ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Посмотрела вверх и вправо и увидела в тени одного из балконов девушку в черном воздушном платье. Тонкая талия была бескомпромиссно затянута в корсет, высокая грудь оголена на грани приличия, а полы пышной асимметричной шифоновой юбки, сотканной словно из лоскутов, плыли по воздуху, будто охваченные порывом ветра. На руках незнакомки красовались черные кожаные перчатки до середины плеч, в складках которых утопали бриллианты.

Длинные волосы цвета воронова крыла были собраны в прическу наподобие тех, что носят гейши. Лицо девушки отливало неестественной белизной, от нижних век и висков к подбородку тянулись черные треугольники, которые ассоциировались у меня с акульим оскалом, а взгляд широко посаженных глаз казался хищным, пугающим.

– Кто это? – прошептала я, ощутив, как по коже поползли мурашки.

– А, это Лана Мартинез, – усмехнулась Мари, поняв, кто привлек мое внимание. – Еще одна представительница лучших писательниц Либрума.

– Тоже дарк фэнтези?

▲– Не угадала, – покачала головой подруга. – Эротическая фантастика. Я как-то читала ее работы. Интересная смесь секса, насилия и психологии. Только написано немного скомканно, второпях. В прошлой жизни она считалась популярным автором, да и в Эдеме ее идеи пришлись по душе местной публике. Фантазиями Ланы создано целое направление развлечений для взрослых.

– Шутишь? – изумилась я.

– Почему же? Ты разве не знала, что если дать людям возможность удовлетворять свои страсти, так сказать, в специально организованной среде, то процент насилия в обществе резко снижается? – задумчиво изрекла она, а потом, оживившись, добавила: – Но это все ерунда. Ходят слухи, что в прошлой жизни под ее псевдонимом скрывалось несколько авторов. А когда она попала в Эдем, знаешь, что сделала?

Я нахмурилась:

– Что?

– Создала во время материализации свои сумеречные копии! – с масляным блеском в глазах сообщила подруга и, словно в подтверждение этих слов, от тонкого тела Ланы отделилось несколько теневых клонов. Миг спустя они разлетелись по бальному залу и растворились в толпе.

Я сглотнула – ничего более жуткого в жизни не видела.

А девушка, криво ухмыльнувшись, отошла от перил и скрылась в полумраке балкона. Почему-то показалось, что она нас слышит.

– Надо же, как предусмотрительно, – усмехнулась я, стараясь скрыть свой испуг за иронией. – По сравнению с этим мои фантазии о крепких здоровых зубах не более чем детские шалости.

– Ну, если твоя иллюзия слетит, можешь попытаться отвлечь внимание гостей ослепительной улыбкой. Мало ли, вдруг успеешь

незаметно удрать, – хмыкнула Мари, и я улыбнулась следом за ней. Внезапно мой взгляд упал на эффектную пару, стоявшую на центральном балконе.

– А это кто? – указала кивком на мужчину лет тридцати – тридцати пяти в простом темно-синем костюме, который с царственным видом потягивал шампанское, и изящную блондинку в розовом эфириусном платье из пионов, над которой порхали бабочки.

▲ Кажется, я видела ее спутника прежде... в той самой галерее в день попадания в Эдем.

– О, это Шон Феррен собственной персоной и Ирена Масс. Первое и шестое место в топе лучших писателей Либрума, – воодушевленно объяснила Мари, и я заинтересовалась парой. Они казались такими нормальными по сравнению с той же Ланой или Торнтоном, что моя интуиция так и нашептывала, что где-то здесь должен быть подвох.

– Господин Феррен еще и первый бабник Пантеона. Ни одной красотки не пропускает. А Ирена одна из его бывших пассий. И пусть ее ангельский облик тебя не обманывает. Это та еще стерва. Но стерва красивая. Мужчины любят таких, – подтвердила мою догадку подруга. – Они расстались с Шоном примерно полгода назад. Видела бы ты, какой она устроила скандал! Прямо в Пантеоне! Потом извинилась, конечно, за свое поведение (кому нужны такие враги?), и они помирились. Но Ирена до сих пор лелеет надежду его вернуть. Гляди, как ластится. А у самой, между прочим, имеется ухажер. Но Шону и дела нет до ее заходов, – добавила она с каким-то едва уловимым злорадством и, отвлекшись на кого-то из гостей, отвернулась.

Я же продолжала с любопытством смотреть на первого писателя Либрума, который, опершись левой рукой о перила, с выражением надменной пресыщенности сканировал бальный зал. Ирена что-то кокетливо шептала ему на ухо, касаясь пальчиками рукава пиджака. Но он держался холодно и отстраненно и, казалось, ее просто терпел. Внезапно наши взгляды встретились, и господин Феррен высокомерно вскинул брови. Наверное, тем самым пытаюсь осадить надменную букашку, что посмела на него тарашиться. Я растерялась на долю секунды, а потом, улыбнувшись, повторила сей отпугивающий маневр.

В глазах Шона вспыхнул живой интерес. И он, криво усмехнувшись, отсалютовал мне бокалом: «Браво! Достойный соперник!» Я покачала головой, иронизируя по поводу нелепости ситуации.

– О, вот об этом я и говорю, – задумчиво протянула Мари, ставшая случайной свидетельницей этих перегадок. – Горбатого могила исправит. Шон Феррен как разбивал девичьи сердца, так

▲ и разбивает... Ладно, пойдем, Кара, пока Ирена не надумала устроить тебе вендетту. – Она неодобрительно прищелкнула языком и, поманив меня, направилась куда-то вперед.

Я же снова бросила взгляд на первого писателя Либрума. Улыбнулась, пожала плечами, мол, извините, дела, и последовала за подругой.

– Ну, Кара, что скажешь по поводу местных хищников? –

спросила Мари пару минут спустя.

Мне подумалось, что дедушка Фрейд нашел бы многих из них весьма занимательными, но вслух сказала другое:

– Удачно, когда профессия способствует самореализации.

Мари хмыкнула.

– Жители Эдема обожают писателей, но топ – каста привилегированных. Шикарные апартаменты, огромные зарплаты, связи в самых верхах. Стоит им лишь пальцами щелкнуть – и любой их каприз будет тотчас исполнен. Что угодно, лишь бы наши небожители не утратили вдохновения. Кто-то черпает его в машинах, кто-то в личных лабораториях, а кто-то в девушках... Нет, с такими мужчинами, как Шон Феррен, рассчитывать на что-то серьезное не приходится, – наставительно вещала она, пока я возилась с вербальными чарами. – Лучше выбрать кого-то попроще и понадежней. Кстати, гляди, вон там Даниэль со своей моделькой. Пренебрежительный комментарий в адрес возлюбленной приятеля мне не понравился, но я не стала придавать ему значения. Заозиралась по сторонам в поисках ребят, а когда нашла, доброжелательно помахала им рукой, привлекая внимание. Они стояли в центре небольшой компании, звездой которой была рыжеволосая Кларисса. В коротеньком платье с радужными переливами, не эфириусном, но в шаге от него, она выглядела очень стильно. Казалось, будто девчонка отправилась на бал прямо с модного показа. Даниэль, завидев нас, что-то прошептал ей на ухо, и Кларисса, нехотя попрощавшись с благодарной аудиторией, вместе со своим кавалером направилась к нам.

– Спорим, они скоро расстанутся? – тихо сказала Мари, сделал глоток шампанского.

– С чего ты взяла? – изумилась я. – У них же все замечательно.

▲– Не будь такой наивной, Кара. Эта девчонка вцепилась в нашего Даниэля только из-за его работы в Пантеоне. Высокий социальный статус, полезные связи, приглашения на светские рауты – хороший плацдарм, чтобы раскрутиться. Но как только Кларисса найдет себе кого-нибудь повлиятельней, то сразу же его бросит. Не исключено, что уже нашла, – многозначительно протянула она, намекая на солидных мужчин из той компании, что оказывали ей знаки внимания. – Всетаки бал иллюзий – событие года.

Я недоверчиво посмотрела на подругу.

– Перестань, Мари. Признайся, ты говоришь это потому, что расстроена из-за разлада с Томом, но на самом деле так не считаешь.

Вместо ответа она снова отпила немного из бокала, а в следующий миг сладко пропела:

– Даниэль, Кларисса, рада вас видеть!

– Привет, девчонки, – усмехнулся приятель. – Какие же вы красивые! Мари, Карина... У меня просто нет слов!

Кларисса окинула меня скептическим взглядом.

– Кто дизайнер вашего платья, Кара? – с видом эксперта в вопросах моды спросила она. – Шантарье? Луи Дорсаль?

Я широко улыбнулась и с лукавым блеском в глазах выдала:

– Картье де Гранте. Но, боюсь, вам его имя ни о чем не скажет. Это новое дарование Либрума.

Подруга хмыкнула, но замаскировала смехок приступом кашля.

– Понятно, – сухо сказала Кларисса, мгновенно утратив ко мне

интерес.

Мы поболтали с Даниэлем немного о бале, поделились впечатлениями, обсудили общих знакомых. Но скоро Клариссе стало скучно, и она, надув губки, обратилась к бойфренду:

– Милый, давай потанцуем!

– Хорошо, любимая. Девчонки, мы к вам скоро вернемся, – подмигнул он, прощаясь, и растворился с подружкой в толпе. Вскоро и Мари отправилась в центр зала под ручку с одним из своих знакомых, а у меня появилась отличная возможность подкрепить иллюзию. Я прошептала заветные слова, улыбнулась, довольная результатом, и уже было собралась двинуться к столику для фуршета, как меня окликнула Майя. В воздушном персиковом платье, расшитом изображениями райских птиц, она казалась самим

▲ воплощением грации и изящества. Рядом с ней шел Тим, и причина неестественного блеска ее карих глаз мне стала очевидна даже без восторженно-недоверчивого восклицания:

– Кара, умоляю, скажи, что это неправда!

– Это неправда, – невозмутимо отозвалась я, и подруга прикрыла ладонью рот, а приятель звучно расхохотался, мол, я же говорил.

Ну а дальше мы перешли к уже привычному обсуждению мероприятия и собравшихся в Амфитеатре гостей. Майя попала в Эдем чуть меньше года назад и, как и мне, все ей здесь было в новинку. В компании ребят, посвященных в мою маленькую тайну, находиться было приятно и легко. Мы смеялись, шутили, а мои частые шепотки воспринимались более чем лояльно.

Признаться, к этому моменту ресурс прилично опустел, и я чувствовала себя марафонцем, одолевшим две трети дистанции.

Однако стараниями Тима в деле стихоплетства порядком поднаторела. Он придумал забаву – сыпал вопросами, а я, пританцовывая, старалась привязать ответ к злободневной тематике. Так что море бушевало, месяц в волосах сиял, а настроение было отличным. Хотя я и понимала, что долго так не протяну.

Внезапно заметила, что расслабленное выражение лица Майи сменилось настороженно-изумленным.

Резко обернулась, чтобы понять, что так удивило подругу, – и тут же попала в плен пронзительно-голубых глаз. Пространство вокруг неожиданно сузилось до меня и мужчины напротив, приглушая звуки музыки и размывая очертания других гостей.

– Девушка-море, девушка-луна... Кажется, мы с вами еще не знакомы? – долетел до меня, как сквозь толщу воды, бархатистый обволакивающий голос.

Я промолчала, как замороженная глядя на мужчину, который, казалось, сошел прямиком со страниц женского романа.

– Шон Феррен. – Он вскинул черную бровь, намекая, что хочет узнать мое имя.

Гордая осанка, аристократические черты лица, чистая речь – все в нем так и кричало о высоком происхождении. Однако лукавый прищур голубых глаз наводил на мысль о том, что, несмотря на манеры джентльмена, благородством первый писатель Либрума был наделен... в меру.

▲– Наслышана, – отозвалась, немного придя в себя.

Шон ухмыльнулся.

– Не верьте всему, что обо мне болтают злые языки.
– Даже тому, что вы разбиваете девичьи сердца? – уточнила шутливо, а господин Феррен посмотрел на меня, как на чудо. Так и видела, как у него в голове мелькнула мысль: «Неужели оно еще и разговаривать умеет?»

– Особенно этому.

– А как же мое сердце? Оно ведь разбито как раз из-за вас...

Шон иронично вскинул бровь, демонстрируя, что жаждет услышать объяснения. Судя по выражению лица, наш словесный поединок доставлял ему немалое удовольствие.

– Мой проект шлема, моделирующего реальность, завернули как раз из-за вашей запатентованной деятельности, – невинно заключила я, улыбнувшись.

– Сожалею, – произнес он без капли сочувствия в голосе. – Буду рад загладить свою вину. Как насчет танца?

От его слов и интимных ласковых интонаций сердце сделало мертвую петлю и рухнуло куда-то вниз. И уже где-то там, на недостижимых глубинах, забилося, затрепетало, наполнив меня затаенным восторгом и предвкушением чего-то волшебного... А моя иллюзия тотчас подернулась серебристой рябью.

– Девушка, что живет в объятиях морских, не может променять их ради забав земных, – прошептала я, возвращая контроль над фантазией.

Зрачки Шона расширились, заполняя своей чернотой голубую радужку. В его глазах вспыхнуло изумление со смесью восхищения, но тут же сменилось озорным блеском, а тонкие губы изогнулись в кривой улыбке – он обо всем догадался.

– Я бы с радостью приняла ваше приглашение, господин Феррен, но, боюсь, из всех бальных танцев мне знаком только вальс, – добавила невозмутимо, стараясь увильнуть от потенциально опасного действия, не потеряв при этом лица.

Мой кавалер медленно повернул голову в сторону сцены.

Я повторила его маневр и с облегчением уловила доносившийся оттуда бойкий мотив. А в следующую секунду мне выпала редкая возможность убедиться, что первый писатель Либрума ни капли

▲не джентльмен. Ибо вместо того, чтобы деликатно откланяться, он ухмыльнулся и небрежно вскинул вверх руку, подав музыкантам какой-то знак пальцами. Ритмичная мелодия тут же сменилась плавной, лирической.

Раз-два-три... Раз-два-три... Раз-два-три...

– Прошу! – Шон протянул мне руку так, будто предлагал не потанцевать, а прогуляться с ним напрямиком в бездну.

И я, поддавшись порыву, решила принять этот вызов и с улыбкой на устах сделала шаг навстречу гибели – вложила свою ладонь в его руку. Видимо, здравый смысл – не мое.

Сильные горячие пальцы тут же сомкнулись вокруг моих, будто придерживая, не давая удрать, и от этого простого действия по коже поползли мурашки.

Откуда-то сзади донесся испуганный шепот:

– Кара...

Но я не обратила на него внимания, продолжая неотрывно смотреть на мужчину, который крепко сжимал мою руку.

– Вы так и не сказали, как вас зовут? – хрипло

поинтересовался он, подойдя чуть ближе.

– Кара. Кара Грант, – выдохнула я чуть слышно.

– Рад знакомству, Карина, – вкрадчиво произнес Шон, и провокационно коснулся губами моих пальцев.

Теплое дыхание обожгло кожу – и контуры фантазийного наряда утратили четкость, размылись. А господин Феррен, отстранившись, самодовольно ухмыльнулся. Так вот, значит, чего он добивался! Мерзавец!

Ситуацию надо было срочно исправлять, и я, глядя в упор на своего бессовестного кавалера, медленно, словно слова древнего предсказания, прошептала:

В морскую пучину одета она,

Погибелью стать может для корабля.

Коль воды наряда ее разойдутся,

Спасайся, моряк, если хочешь к дому вернуться!

▲Моя иллюзия напиталась силой, закипела, забурлила, готовясь вступить в бой с коварным противником.

Выражение лица Шона сделалось поистине демоническим, и под слаженные вздохи окружающих он повел меня в центр зала, где уже выстроились другие пары.

– Сумочку поддержи. Пожалуйста, – пробормотала, опомнившись, и протянула клатч Мари, которая по удачному стечению обстоятельств оказалась как раз неподалеку со своим новым кавалером.

Подруга стояла неподвижно, утратив дар речи, но быстро пришла в себя и, к ее чести, жемчужный аксессуар все-таки приняла. Мне же такая роскошь, как избирательный мутизм, была временно недоступна, поэтому продолжала двигаться вперед, сконцентрировавшись на предстоящем танце с женщиной, который заставлял крылья души трепетать.

Мы заняли свои места. Моя левая рука осторожно легла Шону на плечо, его правая рука бережно коснулась моей талии, а затем резко надавила, притягивая к сильному торсу. Слишком близко. На грани всех правил приличий. Я сдавленно охнула и ошарашенно подняла глаза на своего кавалера. Тонкие губы кривились в издевательской усмешке.

Шон сделал шаг вперед, я – назад, и мы закружились на волнах нежной, как лебяжий пух, мелодии.

Скрипка. «Полуночный вальс».

Восторженная дань некогда запрещенному из-за своей аморальности танцу. Если вам кто-нибудь скажет, что это не так, – не верьте. Только со стороны движения партнеров кажутся воздушными и невинными. Но на самом деле это имитация акта любви, рождающая грешные мысли. И я была в самом ее эпицентре.

– Море плещет, море хлещет, море в лунном свете блещет.

Окрыляет, опьяняет, попросить тебя желает... – страстно шептала придуманные строки, отчаянно пытаюсь сохранить иллюзию.

Мы стояли слишком близко, наши бедра соприкасались, и я ощущала тепло, ищущее от мужского тела. А мускусный аромат парфюма с древесными нотками дурманил рассудок не хуже опиума. Но я старательно продолжала плести тонкое кружево вербальных чар, преобразуя слова в яркие образы у нас над головами.

▲– Рассказать о дальних странах, чудных яствах, дивных храмах,

и девицах, что любя раскрывались для тебя..
Шон молчал. Говорила лишь я. И если поначалу шепотом, то по мере того, как концентрация ослабевала, переходила на привычный звуковой диапазон. Мой кавалер криво улыбался, понимающе на меня смотрел своими пронзительно-голубыми глазами и с какой-то фатальной неотвратимостью уверенно вел по кругу, заставляя выполнять новые и все более сложные фигуры.
Серия шагов. Поворот. Резкий выпад – моя иллюзия дала секундный сбой. И снова шаги.
Раз-два-три... Раз-два-три... Раз-два-три..
В какой-то момент с интересом отметила, что другие пары исчезли, уступив место нам с Шоном и моим ожившим фантазиям. Воодушевленная, приоткрыла рот, собираясь произнести очередное четверостишие, как меня опередил бархатистый размеренный мужской голос:
Медленной поступью, словно царица,
Ночь опустилась на город, как птица,
Крылья свои мгла расправила живо,
Перышки звезд заблестели игриво.
Внезапно бальный зал Амфитеатра окутала тьма. Свечи погасли, хрустальные люстры исчезли, трансформируясь в космические светила и, разлетевшись, засияли у нас над головами крохотными голубыми огоньками.
Я улыбнулась. Красиво. И, глядя на кавалера в упор, тихонько добавила от себя: «Во власах ее месяц сияет, пространство вокруг озаряет».
Серебристый свет, заструившийся из моей заколки, мягко лег нам с Шоном на плечи, выделяя из толпы, привлекая взоры восторженной публики.
Нежные звуки скрипки, шум плескавшихся волн, таинственный полумрак, в котором одни эфемерные образы сменялись другими, – все это создавало поистине романтическую атмосферу. И мне бы поддаться очарованию момента и раствориться в приятных
ощущениях, но имелось одно но: иллюзию надо было удержать.
А господин Феррен, казалось, поставил себе задачу во что бы то ни стало ее развеять.
Очередной поворот... Резкий выпад – и его хриплое:
Одетая в морскую гладь,
Полубогиня на берег ступила.
Волна неспешно отступила,
Являя белую девичью грудь.
С ужасом ощутила, как материализованный наряд начал медленно стекать вниз, грозя обнажить мои прелести на глазах у широкой общественности. Шон перехватил контроль над моей фантазией – а разве так можно?! Положение надо было срочно спасать, и я, неотрывно глядя на своего потерявшего всякий стыд кавалера, тихо сказала:
Водные плети, словно капкан,
Обхватили тонкий девичий стан.
Широкие бедра русалки земной
Ласкает, лобзает вечерний прибой..
Сапфировая волна тут же окутала мое тело чуть ли не до самого подбородка. На всякий случай. Во избежание рецидива. Надо сказать,

весьма своевременно, потому что в следующий миг господин Феррен вернул меня в вертикальное положение и с будоражащей хрипотцой в голосе прошептал на ухо:

– Вы очаровательны, Карина. – Моя иллюзия снова побледнела, а Шон, добившись своего, самодовольно улыбнулся.

Это был танец-вызов, танец-борьба. А господину Феррену нравилось меня смущать, наблюдать, как я теряю контроль от его хриплого голоса, демонически притягательного взгляда и нежных прикосновений сильных горячих рук... И зачем только с ним связалась? Он был океаном, а я всего лишь морем. Но проиграть в этой схватке я позволить себе не могла.

▲Он служит ей преданно и беззаветно,
Как рыцарь молодой, что влюблен безответно.

Она улыбается – он плещет игриво,
Грустит – он сметает лачуги бурливо,
Кипит, пеной хлещет, бьет в скалы в порыве.
Народ покоряется его страшной силе...

Подол моего платья тотчас взметнулся и бурлящей сапфировой волной, в зеркальной глади которой отражались звезды, грозно обрушился на материализованные прибрежные скалы. Зрители дружно охнули, послышались робкие аплодисменты, а мой кавалер, сделав очередной оборот, заглянул мне прямо в глаза и прошептал:

Деввица, что любит, признаться боится,
Ей движет не стыд, а боязнь оступиться,
Но пенный прибой был настойчив и смел
И ласки ответной добился. Как и хотел.

Чуть не потеряла дар речи от подобной наглости, а морская стихия, словно лапастый зверь, мигом вернулась к моим ногам.

– Нет, там было не так, – игриво пропела, обходя кавалера по кругу, и, вложив остаток ресурса в слова, закончила историю:

Но стоит девице его поманить

Или о чем-то заветном любя попросить,
Он тут же несется исполнить желанье,
Выносит жемчужины на брег, как свое покаянье,
Лодчонки людские и тех, кто не хочет тонуть,
Чтоб дать им на дивный мир снова взглянуть.

Пенная гулливая волна опять всколыхнулась и вынесла на песчаный берег испуганного рыбака, что крепко держался руками за края своей прохудившейся лодки, полной доверху жемчугом. Музыка стихла, тьма развеялась, унося с собой наши ожившие фантазии, и мы с Шоном замерли друг против друга. Он сделал легкий

▲полупоклон, а я, улыбнувшись, изобразила некое подобие реверанса. И под оглушительные овации мой кавалер неспешно повел меня обратно к приятелям.

– Я покорен, – хрипло прошептал Шон, поцеловал мне кончики пальцев, а затем удалился.

Когда он растворился в толпе, я повернулась к ребятам и первое, что они услышали от меня, было:

– Мари, твой карлет далеко?

Подруга испуганно вытаращила глаза, мгновенно распознав сакральный смысл этой фразы. Но быстро собралась и тихо сказала:

– Идем.

– Лучше бежим, – внесла важное уточнение я. – Ребята, до понедельника! – бросила напоследок приятелям, и мы с Мари, стараясь выглядеть невозмутимыми, направились к выходу из бального зала.

А когда оказались в фойе, припустили к лестнице на таких скоростях, будто за нами черти гнались. Бежать на высоких каблуках было неудобно, и я скинула туфли, чтобы ускориться. Сердце колотилось нещадно, щеки горели, и я буквально пятой точкой ощущала, что счет идет на минуты.

– Направо! – сориентировала меня Мари, когда мы оказались на крыше. – Вон там мой карлет!

Вид черной крылатой машины придал энтузиазма и я, словно паровоз, в топку которого подбросили уголь, на всех парах рванула вперед. Чуть не прыжком заскочила в салон – и моя иллюзия тотчас развеялась. Следом туда влетела Мари. Мы с ней переглянулись и расхохотались.

Это был смех-неверие, смех-облегчение, смех-радость. От накала эмоций у меня даже слезы выступили. Мы хохотали, крепко держались за руки, и я была бесконечно благодарна Провидению за то, что оно мне позволило не только покинуть зал Амфитеатра на пике триумфа, но и послало человека, с которым я смогла разделить этот момент. Ведь то, что Мари с самого начала знала всю изнанку происходящего, делало ее сопричастной моей маленькой шалости и странным образом нас роднило.

– Кара, умоляю, прикройся пледом, – сказала она, отсмеявшись. – Он лежит у тебя как раз под сиденьем.

▲– О, здорово, спасибо. А я как раз мысленно прикидывала, как бы незаметно проскользнуть мимо своего консьержа к лифту, – весело отозвалась, пытаюсь нащупать рукой шерстяной плед. – А ты всегда возишь его с собой?

– Да, держу его на всякий случай. Мало ли, захочу за город выбраться на звезды посмотреть или еще что, – отмахнулась Мари и переключилась на другое. – Кара, поверить не могу, что ты согласилась на танец с Шоном Ферреном! Этот мерзавец сделал все для того, чтобы оставить тебя без платья. Он еще хуже, чем о нем говорят! Чудо, что ты успела удрать раньше, чем этот бессовестный ловелас добился желаемого. Зато теперь топ и их приближенные точно в курсе твоей безумной выходки.

– Думаешь, они догадались? – поинтересовалась я, закутываясь в плед.

– О, еще бы! Видела бы ты, как вытянулись их лица, когда твоя иллюзия побледнела! Небось испугались, что кого-то из них скоро могут подвинуть.

– Перестань, Мари, это нелепо. Мы же писатели, а не сборище интриганов. Одно дело делаем. И это так прекрасно, – мечтательно протянула я, но подруга была со мной не согласна.

– Делать-то делаем, но мотивы у всех разные... Ладно, Кара, так и быть, подброшу тебя домой.

– А ты разве не хочешь остаться? – удивилась я. – Бал же в самом разгаре!

– Самое интересное я уже видела, а об остальном можно будет узнать и в Пантеоне. Да и настроения особого у меня нет. Все спрашивают про Тома...

– Понятно. Тогда при случае с меня ответная услуга.
– Сначала карлетом обзаведись, – усмехнулась она и, покачивая головой, уверенным командным тоном обратилась куда-то в пустоту: – Включить режим автопилота!

На переднем сиденье тотчас возникла голограмма водителя. Мари назвала мой адрес, и машина, расправив механические крылья, поднялась в воздух, унося нас с собой в небеса. А десять минут спустя приземлилась на парковке возле моего жилого комплекса.

– Спасибо, Мари, ты чудо! – крикнула подруге, прощаясь, и, завернувшись получше в клетчатую экипировку, направилась к себе.

▲В холле первого этажа своего дома я появилась укутанная в тонкий шерстяной плед, но с гордо поднятой головой. Господин Николас, ставший свидетелем этой сцены, на миг утратил дар речи. И не мудрено – он-то видел меня всего пару часов назад совершенно в другом облачении.

Но, надо отдать должное его выучке, быстро собрался с мыслями.

– Добрый вечер, госпожа

Грант, –

произнес он

с профессиональной доброжелательностью в голосе. – Как прошло мероприятие?

– Замечательно, господин Николас. Замечательно, – невозмутимо ответила я и улыбнулась, будто в возвращении с бала без платья не было ничего особенного. А затем, звучно цокая каблучками, с царственным видом направилась к лифту.

– Доброй ночи, госпожа Грант, – донеслось учтивое пожелание консьержа.

– И вам доброй ночи, господин Николас.

▲Глава 6

Пути сближения

Вдохновение... Оно зарождается в тебе теплым солнечным комочком. Пестует, ласкает, заряжает энергией и, набравшись достаточно сил, вырывается наружу. У моего вдохновения был цвет липового меда, стекающего с деревянной ложки густой янтарной волной и аромат дубовой коры. Оно ощущалось трепетанием крыльев тысячи бабочек и бесконечной любовью ко всему миру, которую хотелось разделить с каждым живым существом.

Бал иллюзий лишил меня сил, но одарил идеей. Прекрасной фантазией о шатре воспоминаний, который бы позволял переносить сознание в прошлое и заново проживать в нем дорогие сердцу моменты. С теми же мыслями, чувствами и реакциями, что и в первый раз. А затем, зарядившись позитивными эмоциями, возвращаться в настоящее.

Я пока плохо понимала, по какому принципу должно было работать такое устройство, но представляла, как выключаю в спальне свет, скидываю обувь... Неспешно иду босиком по мягкому меховому ковру к роскошному белоснежному шатру, забираюсь в него и включаю яркие фонарики-лампочки... С комфортом устраиваюсь на разноцветных шелковых подушках, закрываю глаза – и переносюсь туда, где меня ждет Шон Феррен и наш «Полуночный вальс».

С этими приятными мыслями я и уснула. А когда проснулась, получила сюрприз в виде целого моря букетов. Преимущественно

от незнакомцев. К некоторым из них прилагались коробки конфет, дорогие украшения (последние чуть позже попросила господина Николаса вернуть отправителям). Но меня интересовали не сами подарки, а записки, приколотые к ним. С затаенным волнением принялась просматривать послания, пока не нашла то, что искала. «Благодарю за чудесный танец. Шон».

К записке прилагался букет белоснежных пионов. Самых обычных, не модифицированных.

Но именно эта внешняя простота меня и подкупила. Счастливо улыбаясь, я уткнулась носом в нежные лепестки и с наслаждением

▲вдохнула сладковатый аромат.

Несмотря на то что господин Феррен не предлагал продолжить наше общение, его галантный, ни к чему не обязывающий жест сделал мой день, и в понедельник я понеслась в Пантеон окрыленная. Прилетела чуть раньше обычного, чтобы сделать в программе «Творец» пометки для шатра воспоминаний, а затем приступила непосредственно к проекту зеркального пространства.

Даниэль, как и обещал, припарковал свою сферу аккуратно под моей и оттуда с интересом наблюдал за моими действиями. Я же, стоя на крыше своего рабочего кабинета, создала в воздухе прямоугольную полоску фундамента, а затем с помощью вербальных чар направила ее книзу капсулы, словно ковер-самолет. Осторожно приклеила к металлической оболочке, закрепила радиоволновыми маячками фиксаторами, и только после этого смогла немного перевести дух.

Дело оставалось за самой опасной частью – тестированием.

– Ну же, Кара, не дрейфь! – ободряюще прокричал Даниэль. –

Если что, я тебя поймаю.

– Точно? – с некоторой тревогой спросила я.

Пряатель рассмеялся.

– Точно! Хочешь, материализую тебе целый бассейн?

– А можно гигантское облако? Или лучше желе...

– Можно и то и другое, – весело отозвался он, – только спускайся шустрее.

Что ж, дальше тянуть смысла не было. Мысленно пожелала себе удачи и, набравшись смелости, осторожно встала на четвереньки. Крепко вцепилась пальцами в ручки капсулы и, дрожа, как заяц в кустах, медленно поползла вниз. Сердце колотилось нещадно, готовое выскочить из груди в любую минуту, ладони намокли, а на лице проступили капельки пота, но я упорно заставляла себя двигаться вперед сантиметр за сантиметром.

И вот когда мои стопы оказались полностью на «фундаменте», я замерла на миг, а затем начала понемногу вставать на ноги. Пальцы все больше отрывались от холодного металла, и я с ужасом предвкушала момент, когда придется их окончательно разжать. Вид снизу – моя пятая точка, активно подражавшая страусиной, наверное, был огонь. Но Даниэль, к его чести, отпускать пошлых шуточек по этому поводу не стал. Мысль о приятеле придала мне сил,

▲и я наконец отпустила белую металлическую ручку. Зажмурилась, напряглась, предчувствуя, как сорвусь вниз.

Но познать прелесть свободного полета мне так и не довелось.

– Кара, у тебя получилось! – раздался откуда-то сверху взволнованный голос Даниэля.

С удивлением приоткрыла глаза и опасливо посмотрела себе под ноги. Подошвы кроссовок крепко прижимались к «фундаменту». Сделала пару пробных шагов, прислушалась к своим ощущениям, но никаких тревожных гравитационных звоночков мною замечено не было. Я немного расслабилась и, осмелев, выпрямилась и глянула туда, где раньше был низ.

С этой точки обзора мне виделось гигантское облако, в центре которого замер высокий худощавый парень в черной футболке с белым принтом, широким кожаным напульсником на левой руке и в синих джинсах. Мы стояли лицом к лицу, так близко, что, казалось, протяни руку – и можно коснуться кончиками пальцев друг друга.

Черные волосы приятеля были взъерошены. Наверное, волновался и по привычке их теребил. Тонкие губы широко улыбались, а в серозеленых глазах искрился юношеский восторг, идущий из потаенных глубин души. С удивлением отметила, что у него сильный взгляд. Чистый, как лесной родник. И почему я раньше не видела этих золотистых крапинок в его глазах? Будто солнечные зайчики по поляне скачут.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – обеспокоенно спросил приятель. – Голова не кружится?

Снова прислушалась к своим ощущениям.

– Нет. Все нормально вроде... Кажется, у меня и впрямь получилось, – пробормотала, не в силах сдержать счастливую улыбку. По привычке стала переминаться с ноги на ногу, расхаживаться и нечаянно кромкой штанов зацепилась за один из фиксаторов. Испуганно дернулась. Подошва кроссовки соскользнула с фундамента, и я, утратив контроль над фантазией, с бешеным воплем «а-а-а!» полетела вниз.

Полет длился недолго, ибо приятель каким-то чудом умудрился в последний момент ухватить меня за руку и потянуть на себя.

– Даниэль, ты как? – виновато спросила, сообразив, что рухнула как раз на него. – Я тебя не сильно придавила?

▲– Все нормально. Жить буду. Надумаешь завтра добить – обращайся.

Я недоверчиво покосилась на приятеля. В серо-зеленых глазах искрились смешинки. И я, сообразив, что он шутит и мы оба остались целы после таких приключений, облегченно расхохоталась.

Не переставая смеяться, неловкими, плохо скоординированными движениями скатилась с него и плюхнулась рядом.

Сколько длилась истерика, не помню. Но когда я наконец успокоилась, то с интересом отметила, что все еще лежу на облаке.

Руки и ноги утопали в бело-голубом тумане, а тело колыхалось будто бы на волнах гигантского желе. Ощущения были необычными, но приятными. Медленно подняла голову вверх, посмотрела на свою сферу и увидела, что там, где совсем недавно мелькала черная полоска «фундамента», сейчас сияло белое пятно. Оно напоминало укутанную снегом вершину Эвереста, до которой мне посчастливилось дотянуться.

Улыбнулась этой мысли и перевела взгляд на приятеля. Он казался расслабленным, умиротворенным, хотя по-прежнему удерживал облачную иллюзию.

– Даниэль, как ты умер? – неожиданно для себя тихо спросила я. Вопрос был странным, интимным, но в тот момент он почему-то

показался уместным.

– Эпидемия deathricus 18, – спокойно ответил приятель. – Подцепил где-то вирус и загремел с пневмонией в реанимацию. Самое смешное, что у меня никогда не было проблем со здоровьем. Да и врачи в один голос твердили, что эта зараза молодым неопасна... Ошибались, выходит, – с затаенной горечью добавил он.

– Сколько тебе было тогда?

– Двадцать пять. Сейчас двадцать шесть, если что. – Он повернул ко мне голову и подмигнул. – А ты, Кара, как умерла?

– Меня сбила машина сразу после оглашения результатов конкурса «Писатель-фантаст года». Я вроде как победила.

– Обидно... Наверное, у тебя были классные книги.

– Наверное, могли бы такими быть. А так осталась только одна. Хотя и хорошая. Все же память какая-то... – Голос предательски дрогнул, и я снова переключилась на Даниэля. – А ты в прошлой жизни был популярным писателем?

▲– Да я вообще не был писателем, – ошарашил меня неожиданным заявлением приятель.

– Шутишь?

– Серьезно! – усмехнулся он и произнес мечтательно: – Я работал в сфере туризма. Экскурсии проводил, сопровождал группы в заграничных поездках, вел популярный блог... А потом меня заметил один продюсер и предложил сняться в реалити-шоу про путешествия. Я согласился. Так и попал на телевидение.

– Классная работа.

– Да, мне она тоже нравилась. Расширяла кругозор, стимулировала воображение... А книги я начал писать в дороге. В перерывах между съемками. Хотя никому их и не показывал. Наверное, в них было что-то такое, раз меня затащило сюда.

– Уверена, они были замечательными, чудик, – тепло улыбнулась я и взъерошила ему волосы на макушке. А мысленно добавила: «Такими же светлыми, как и ты сам».

Мы замолчали.

– Ты произвела фурор на балу, – первым заговорил Даниэль спустя пару минут. – Это твое платье... Если бы я не был влюблен в Клариссу, то определенно бы за тобой приударил. Я рассмеялась.

– Если бы у тебя не было Клариссы, то я бы не возражала, – отозвалась ему в тон, и мы снова замолчали.

– Кара, можно тебе дать совет? – неожиданно серьезно спросил Даниэль.

– Валяй.

– Этот Шон Феррен... Про него разное говорят. Будь с ним осторожна, ладно?

Забота приятеля показалась трогательной, и я, повернувшись к нему, мягко сказала:

– Не волнуйся, чудик. Все будет хорошо. Где наша не пропадала. – Внезапно мой взгляд упал на циферблат наручных часов, и я, вспомнив о работе, сменила тему: – Ладно, довольно расслабляться. Пойду к себе в капсулу доделывать проект. Повторим завтра наш эксперимент?

– А то! – усмехнулся Даниэль, и мы стали сворачиваться.

▲Надо сказать, предупреждение приятеля оказалось весьма своевременным. Правда, об этом я узнала только спустя двое суток. В среду. Когда окончательно доделала проект и, убедившись, что рассада отлично приживается на «фундаменте», присыпанном земелькой, направилась к Кристине.

– А ты быстро справилась, Кара, – уважительно присвистнула она, ознакомившись с моим устным отчетом. – Хвалю. Как думаешь, успеешь к пятнице подготовить презентацию?

Я мысленно прикинула объем работы.

– Да, должна успеть.

– Хорошо, тогда ставлю тебя в график. – Куратор включила белый планшет и сделала в нем пометку. Откинулась на спинку стула, задумчиво на меня посмотрела. – Кстати, Кара. Ты ведь не в курсе, как обычно проходят демонстрации... Загляни-ка минут через тридцать на крышу Пантеона. Шон Феррен будет хвастаться своим новым достижением, – вкрадчиво сказала она, буравя меня пытливым взглядом. – Топы не часто это делают. Может, возьмешь кое-что на заметку.

Губы мимо воли дрогнули в предательской улыбке.

– О, спасибо за совет, – вежливо отозвалась я, стараясь скрыть за маской учтивости ощущение трепетного волнения, которое разлилось от этих слов в груди. – Обязательно им воспользуюсь.

Кристина усмехнулась, не поверив моей маленькой уловке, но лезть с расспросами не стала. Мы распрощались, а полчаса спустя я уже стояла на вершине Пантеона в окружении приятелей и с нетерпением дожидалась начала шоу. Центральная часть крыши (в районе самой большой трубы) отъехала, образовав огромную зияющую дыру, в недрах которой парили белоснежные сферы. А чтобы любопытные зрители ненароком не убились, по ее контурам были

выставлены
высокие
металлические
заграждения.

За исключением широкого выступа, к которому вела дорожка от главного лифта. Видимо, это место и предназначалось для демонстратора.

К тому моменту, когда мы с Мари поднялись наверх, народу здесь было немерено. И если бы не Тим с Максом, которые заняли нам места в первом ряду, то есть в непосредственной близости от края пропасти, нам бы пришлось неприкаянно маяться где-нибудь вдалеке. Парни

▲деловито выдали мне очки, улучшавшие видимость в радиусе пятисот метров. Оставалось только колесико подкрутить, чтобы отрегулировать расстояние. Чем я и занялась. А когда с настройками было покончено, осторожно коснулась пальцами холодных перил и приготовилась к презентации.

Господин Феррен оказался пунктуальным. Стоило стрелкам часов переместиться к двенадцати, как он вышел из лифта в окружении господина Штольцберга, его телохранителя и ребят из техотдела. Последние держались на почтительном расстоянии, пока первый писатель Либрума о чем-то на ходу переговаривался с Верховным архонтом.

Шон выглядел собранным, властным, от него так и веяло скрытой

силой. Он что-то рассказывал моему проводнику в Эдем, и тот его внимательно слушал, кивал. Вместе они с господином Штольцбергом – один традиционно в белом костюме, другой весь в черном – мне почему-то напомнили ангела и демона, заключивших временное перемирие.

Я помотала головой, отгоняя странные ассоциации, поправила очки и снова посмотрела на них. К тому моменту мужчины уже успели все обсудить, и господин Феррен уверенным размашистым шагом направился к неогороженному выступу.

– Добрый день, коллеги. Сегодня состоится презентация моего прототипа портативного карлета, – громко и четко произнес он и вытащил из кармана какой-то крохотный, судя по солнечному отблеску, металлический шарик.

– Краткость – сестра таланта, – хмыкнула стоявшая справа от меня Мари.

Мысленно с ней согласилась и продолжала с любопытством наблюдать за мужчиной. Он, якобы беззаботно, подбросил пару раз на ладони свой шарик, а затем, сделав резкий замах, кинул его вперед. Зрители в первых рядах вздрогнули и отшатнулись. Держу пари, этот коллективный защитный рефлекс возник не на пустом месте. Шон самодовольно усмехнулся, подтверждая мою догадку, и принялся что-то шептать. Я иронично улыбнулась, покачала головой и перевела взгляд на металлическую сферу, зависшую над пропастью. Она стала постепенно увеличиваться в размерах, наполняться красками

▲и приобретать контуры машины, повинувшись силе слов первого писателя Либрума.

– Обалдеть! – выпалил оживленно Макс, который стоял слева от меня. – Неужели он сумел поместить такую громадину в этот шарик? На вид в нем не больше дюйма.

– Понятия не имею, – весело отозвался Тим, с жадностью глядя на прототип. – Пускай техотдел разбирается с технологией. А когда эта штука поступит в продажу, буду пахать, как раб на галерах, но обязательно ее куплю!

Снова посмотрела на Шона, мысленно солидарная с приятелями в этом вопросе. Во время нашего танца он говорил вкрадчиво, медленно. Однако сейчас тонкие губы двигались с такой скоростью, что мне казалось, даже стоявшие рядом с ним люди не могли расслышать и пары фраз из его формулы материализации. Вон и Механический человек, который находился метрах в двух от коллеги, перегнулся через перила, пытаясь разобрать, что бормотал тот. Между тем господин Феррен закончил создание фантазийного устройства – и перед нашими глазами предстал отливающий на солнце лазурью крылатый кабриолет.

Зрители восторженно зааплодировали.

– Эй, Шон! – внезапно окликнул его светловолосый бородатый мужчина в синих очках и черном плаще, кажется, Берд, которого я видела в день попадания в Эдем. – Хочешь сказать, эта штука еще и летает?

Лучший писатель Либрума медленно повернул голову влево и окинул говорившего сардоническим взглядом.

– Сейчас и узнаем, да, Берд? – с вызовом бросил он и, расстегнув пуговицы пиджака, отошел подальше от края выступа. Неожиданно для всех разбежался – и сиганул напрямик в пропасть.

Трибуны в испуге замерли. Я же от страха вцепилась пальцами в холодный металл ограждения и, как в замедленной съемке, следила за этим прыжком. Очень надеялась, что фантазия Шона не развеется и что его организм окажется достаточно натренированным для таких выкрутасов.

Но вот сильные мужские руки схватились за дверцу – и я с облегчением выдохнула. А господин Феррен, сгруппировавшись, забрался в салон и устроился на водительском сиденье. Уверенно

▲положил руки на руль, криво усмехнулся, наслаждаясь реакцией толпы, и снова принялся что-то шептать. Воображаемый мотор зарычал – и в следующий миг лазурный кабриолет поднялся вверх и рванул в небеса.

Я наблюдала за полетом, затаив дыхание. Это же как надо разбираться в механике и насколько мощный иметь ресурс, чтобы суметь повернуть что-то подобное! По сравнению с этим мои фокусы с платьем не более чем детские забавы.

Между тем Шон сделал круг почета у нас над головами и плавно пошел на снижение. Ветер трепал его черные волосы, тонкие губы улыбались, а в голубых глазах сиял юношеский восторг. Я поймала себя на мысли, что сейчас он был похож не на матерого писателя, а на мальчишку, который впервые оказался за рулем отцовского авто. Но вот карлет состыковался с площадкой для демонстрации и завис в воздухе.

– Поздравляю, Шон, – улыбнулся господин Штольцберг, аплодируя. – Как всегда, блестяще. Будем закреплять?

Шон кивнул, и мягкое выражение исчезло, его лицо снова сделалось жестким, холодным. Однако Верховный архонт то ли не придавал значения перемене в настроении приятеля, то ли попросту ее не заметил и, лучась довольством, полез в карман за граненым стеклянным пузырьком с эфириусом. А когда достал, направился к краю выступа.

Крохотная розовая капелька коснулась капота, запуская процесс фиксации конечного образа прототипа, и Феррен с силой сжал руль. Будто от физической боли. Тряхнул головой, отвернулся и обвел мертвым расфокусированным взглядом зрителей. Но вдруг заметил в толпе меня – и его глаза ожили, а лицо просветлело.

– Ну что, Шон, заканчиваем или хочешь еще полетать? – весело поинтересовался господин Штольцберг, рассматривая новенький кабриолет.

– Полетать, конечно, – сказал тот, снова надев маску невозмутимости. Судя по всему, одну из многих. – Вдруг у нашего уважаемого

Берда

еще

остались

сомнения

по

поводу

работоспособности моего устройства, – добавил он издевательски и резко направил карлет в мою сторону.

▲Сердце тут же затрепетало в ожидании чего-то волнительнопрекрасного.

– Девушка-море, девушка-луна, рад снова вас встретить, –

обратился ко мне недавний знакомец своим низким бархатистым голосом. – Как настроение?

– Отлично, – просияла я, заглянув ему прямо в глаза. Такие же голубые, как и небо у нас над головами. Вот только по-прежнему холодные, несмотря на теплую улыбку. – А ваше?

– Замечательно. Как насчет небольшой прогулки? Погода сегодня солнечная. – Он провокационно вскинул бровь, и я ощутила, как в груди зарождается уже знакомый по балу иллюзий азарт.

Инстинкт самосохранения восторжествовал, намекнув, что можно ждать подвоха, но я его благополучно проигнорировала.

– Почему бы и нет, – беззаботно пожала плечами, принимая вызов. Видимо, здравый смысл все-таки не мое.

Шон усмехнулся и стал разворачивать машину, чтобы в нее было удобнее забраться.

– Кара, не смей, – прошептала Мари, схватив меня за руку. – Это все может очень плохо кончиться.

– Не волнуйся, дорогая, ничего со мной за один короткий полет не случится. К тому же гляди, какой кабриолет! – с чувством протянула я, шалея от предстоящего приключения. Перенасыщение крови кислородом, не иначе. – Грех на нем не прокатиться!

Клянусь, мой легкомысленный ответ Шону понравился.

В отличие от подруги. Она недовольно поджала губы, но мою руку отпустила. Я же воспользовалась моментом и отдала ей очки, а затем осторожно перелезла через высокое ограждение на узкий выступ, к которому почти вплотную прижимался карлет. Водитель встал с места и протянул мне руку, помогая забраться в салон. Я улыбнулась, доверчиво вложила свою ладонь в его пальцы и, как и тогда, во время бала, сделала шаг над пропастью.

– Очаровательно выглядите, Карина, – хрипло произнес Шон, окинув меня жадным взглядом, когда мы оба оказались в машине. – Винный цвет вам к лицу.

По удачному стечению обстоятельств сегодня я явилась в Пантеон в бордовых вельветовых штанах свободного покроя, в кардигане в тон и в белоснежной шифоновой блузке. Яркие цвета освежали

▲и выделяли из толпы, но комплиментом я не прониклась. В голове промелькнула мысль: «Ну-ну, Шон, что же ты задумал на этот раз?» Однако вслух сказала кротко:

– Благодарю, – и заняла сиденье рядом с водителем.

Господин Феррен вернулся на свое место и стал помогать мне пристегивать ремни безопасности, коих было немало. Надо сказать, ощущения были приятными.

– Вы авантюристка, Карина? – игриво поинтересовался он между делом. Я с удивлением вскинула брови.

– А почему вы спрашиваете?

– Испытания прототипов часто заканчиваются тесным общением с медперсоналом. А вы так легко согласились на экспериментальный полет. Вот я и хочу узнать, есть ли у вас склонность к безрассудствам.

– Вообще-то раньше заподозрить во мне что-то подобное вам бы не удалось, – усмехнулась я. – Но после попадания в Эдем привычные опасения и внутренние запреты куда-то исчезли. Наверное, что-то такое легкомысленное витает в здешнем воздухе, что все воспринимается как сон.

– Вы недалеко от истины, – со странной интонацией произнес

мой кавалер и, материализовав мне шлем, вернулся к панели управления. – Не беспокойтесь, Карина. Вашей безопасности ничто не угрожает. Мои прототипы всегда безупречны. Готовы?

– О да! – просияла я, и крылатая машина, зарывав, резко рванулась вверх, унося нас с собой в небеса.

От переизбытка чувств коротко взвизгнула, но тут же рассмеялась своей реакции. Шон окинул меня мимолетным взглядом, улыбнулся, на этот раз искренне, и снова посмотрел вперед.

Мы с ним сидели в шикарном салоне кабриолета, будто парочка образцовых американских молодоженов, которые собрались провести за городом уикенд. Ветер бил в лицо, трепал мои волосы, но ощущения были просто невероятными. Машина немного покружилась над головами благодарной публики, а затем взяла курс за пределы Пантеона. Туда, откуда открывались потрясающие виды на Либрум.

– Карина, что вы делаете сегодня вечером? – поинтересовался Шон, когда мы зависли в воздухе в паре сотен метров от храма творцов, любуясь дивным пейзажем.

▲– А что? – выдала я стандартный женский ответ.

– Хочу узнать, свободны ли вы, чтобы пригласить на свидание, – невозмутимо сказал он, глядя строго перед собой. – Что на это скажете?

Наверное, моя улыбка стала просто неприлично счастливой, но я быстро собралась с мыслями и постаралась придать лицу выражение подстойнее. Нельзя было соглашаться слишком быстро. Да и подходящего наряда у меня не было.

– Даже не знаю, господин Феррен. Это так неожиданно...

Шон медленно повернул ко мне голову. Издевательски вскинул черную бровь, тем самым как бы говоря – что, серьезно?

– Мне надо подумать, – добавила осторожно, ожидая его реакции.

Внезапно машину тряхнуло, и я, ахнув от неожиданности, с изумлением уставилась на водителя. Таким негуманным способом еще никто не добивался моего согласия на свидание.

– Вообще-то у меня в планах уроки полета с приятелями, – добавила уверенней, хотя нелепая ситуация и забавляла. – Ребята могут обидеться, если я не явлюсь.

Кабриолет снова тряхнуло, уже гораздо сильнее, он накренился вправо – и меня резко отбросило в сторону. Благо сработали ремни безопасности.

– Правда! – выпалила я, вцепившись со страху пальцами в сиденье. Машина снова выровнялась. И я, приняв прежнюю позу, дипломатично предложила альтернативный вариант, удобный для себя. – Может, сходим куда-нибудь в другой день? Как насчет пятницы? – и подкрепила слова улыбкой.

Наши взгляды встретились, и моя интуиция сказала: «О-оу!»

А в следующий миг карлет сделал оборот вокруг своей оси.

– Я согласна! Согласна! – завизжала испуганно, пока Шон не вздумал повторить этот трюк на бис.

– Я так и думал, – гнусно ухмыльнулся мерзавец. – Тогда возвращаемся?

– Да, было бы здорово, – пробормотала немного нервно, все еще не решаясь выпустить из рук то, за что успела схватиться всего минуту назад.

Шон окинул меня ироническим взглядом, кивнул, принимая ответ, и развернул машину в сторону Пантеона. Кабриолет больше не трясло

и не опрокидывало. Это радовало, а вид приближавшейся крыши храма творцов и вовсе успокаивал. Поэтому я, осмелев, перестала вжиматься в спинку сиденья и даже рискнула делано беззаботно поправить торчавшие из-под шлема волосы.

Зря. Ибо когда до заветной твердыни оставалось всего ничего, господин Феррен резко накренил карлет и отправил его в крутое пике. Условный рефлекс, выработанный за часы полетов с Максом и Тимом, дал о себе знать и я, схватив своего кавалера за руку, как полоумная заверещала:

– Твою ж... Шон! Я же сказала да!

Стеклянный купол кабриолета тут же опустился, обеспечивая нам тем самым не только защиту, но и звукоизоляцию. Однако, клянусь, этот мой бешеный вопль успел услышать весь Пантеон.

– Просто решил убедиться, что ты не передумала, – объяснил Шон, посмеиваясь, когда мы оказались возле демонстрационного выступа.

Я приоткрыла рот, лишившись дара речи от такой наглости. Зато мой кавалер выглядел просто неприлично довольным. Видимо, наш полет сумел-таки поднять ему настроение.

Поморгала, приходя в себя, и стала расстегивать ремни безопасности, мечтая как можно скорее выбраться из салона.

Но стоило мне лишь приоткрыть дверцу злосчастной машины, как карлет снова накренился и я, взвизгнув, на потеху и без того веселой публике, завалилась на своего бессовестного водителя.

Господин Феррен омерзительно ухмыльнулся и повез меня аккурат к тому месту, откуда и забрал. Опять придется карабкаться...

– Тебе помочь? – издевательски предложил он, наблюдая за тем, как я, вцепившись мертвой хваткой в перила, пыталась перебраться к приятелям.

– Нет-нет, спасибо. Сама как-нибудь справлюсь, – торопливо отозвалась я, очень живо представив, во что выльется его помощь. Шон рассмеялся.

– Хорошо. Тогда заеду за тобой в восемь. Не опаздывай, – бросил он напоследок и направил машину к противоположной стороне крыши.

Запоздало подумала, что мы с ним как-то быстро перешли на «ты». Видимо, опасность сближает. Между тем господин Феррен

состыковал свой карлет с площадкой для демонстрации, выскочил из него и уверенной размашистой походкой направился к господину Штольцбергу. На ходу вскинул вверх руку – и машина, снова трансформировавшись в крохотный металлический шарик, оказалась у него в кулаке. Получилось эффектно. Впрочем, как и все, что делал Шон Феррен.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/anastasiya-knyazheva/efirius-что-скрывает-едem/>